

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

СУДЬБА

ЖИЗНИ И ЛЮБВИ



25 золотых правил,
которые
помогут вам
найти и очаровать
мужчину вашей мечты!

Правило № 8:
Жизнь — слишком
серьезное дело,
чтобы доверить
его мужчине.



ХОЗЯЙКА СВОЕЙ СУДЬБЫ

Хозяйка своей судьбы

Людмила Зарецкая
Судьба зимней вишни

«ЭКСМО»

2015

Зарецкая Л.

Судьба зимней вишни / Л. Зарецкая — «Эксмо»,
2015 — (Хозяйка своей судьбы)

У Алисы Стрельцовой настоящий талант свахи – ее брачное агентство «Зимняя вишня» преуспевает! Только его хозяйка никак не найдет свое личное счастье... И вот наконец на горизонте замаячил герой ее романа! «Я хочу этого мужчину, – сказала себе Алиса. – И я его заполучу!» То, что Александр Корчагин собирался стать клиентом «Зимней вишни», ничего не значило – их чувства оказались взаимными, и он даже не стал подавать анкету. Алису не покидало ощущение огромного, всепоглощающего счастья! Но потом Александр... исчез. Алиса тщетно пыталась его найти, когда вдруг ей позвонила бывшая одноклассница Лора – невзрачная серая мышка, которую она долго и безуспешно пыталась выдать замуж. Лора сообщила сногсшибательную новость: они с Александром собираются пожениться! Но накануне злополучной свадьбы Корчагина убили... Мир рухнул, жизнь была кончена. Алиса поняла: ей не будет покоя, пока она не узнает, что случилось с бывшим возлюбленным. А помочь вызвалась подруга Инка, известный криминальный журналист...

© Зарецкая Л., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Людмила Зарецкая

Судьба зимней вишни

© Зарецкая Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Плюс-минус личная жизнь

Чтобы быть незаменимой, нужно все время меняться.
Коко Шанель

С большой благодарностью Андрею Васильеву, первому, кто придумал, что я могу писать книги

В это утро мой внутренний барометр был настроен на «мрачно». Есть у меня такая штука, благодаря которой я попой чувствую предстоящие неприятности.

Сегодняшнее «попоощение» означало, что с вероятностью в девяносто семь процентов день окажется неудачным. Впрочем, он вряд ли мог быть другим, начавшись со звонка бывшего мужа.

Нет, вы не подумайте, с моим бывшим я сохранила вполне нормальные отношения. Такое бывает, хоть и нечасто. С его женой мы тоже сосуществуем достаточно мирно, что бывает еще реже.

Она относится ко мне как к человеку, который наконец-то вернул всегда принадлежавшую ей, но второпях случайно прихваченную вещь. То есть хорошо (потому что я все же поимела совесть и вещь вернула), но с подозрением (а вдруг еще что-нибудь стибрю). Я Нину жалею. Ей очень не повезло со свекровью. Хотя ради справедливости надо признать, что они отлично ладят.

Впрочем, сейчас не об этом. Когда позвонил мой благоверный (бывший... бывший), часы показывали без пятнадцати шесть утра. Ничего из ряда вон выходящего... У него в Бангкоке день был в самом разгаре. Четыре часа разницы как-никак.

Неспособность произвести в уме несложное математическое действие и регулярное вытаскивание меня (теплую, сонную и незащищенную) из кровати ни свет ни заря бесит страшно. Он же никак не может взять в толк, почему я, собственно говоря, бешусь.

За последние годы моего мужа изрядно помотало по миру. Поэтому к его экстравагантным звонкам посреди ночи я должна была бы уже привыкнуть. И проявлять немедленную готовность к разговору: почистить оружие, отрыть окопы полного профиля, укрепить фланги деланым радушием, спрятать засадный полк шпилек. Но когда вторжение начинается в шесть утра, коварно и без объявления войны...

Впрочем, он всегда умудряется напомнить о себе как-то особенно не вовремя (возможно, это общее качество всех бывших мужей). Вот и сегодня... Мало того, что суббота, когда я могу на полном основании поспать подольше. Так и легла я только в три часа ночи, потому что накануне проходил ежегодно устраиваемый моим агентством Бал счастливых встреч.

Подготовка к нему заняла два месяца. Прошло все, как всегда, на ура. Но устала я страшно. Рухнув в постель, планировала отсыпаться как минимум до полудня. Но бывший муж разрушил мои планы.

– Господи, что тебе нужно! – простонала я, поняв, что это действительно он.

– Я не господи, а ты, как всегда, очень вежлива, – обиженно отозвался голос в трубке. – Только не надо говорить, что я не вовремя.

Объяснять, что еще нет шести утра, что сегодня суббота, а накануне у меня был Бал, я не стала. За полной неконструктивностью подобных действий.

– И не думала ничего говорить, – вздохнула я. – Ведь ясно, что говорить будешь ты. Зачем-то ведь ты позвонил...

– Все-таки мама права, ты всегда была стервой, – укорил меня экс-супруг. – С самого утра настроение испортишь. А я ведь не просто так звоню. У нас с тобой ребенок как-никак. И, между прочим, я о нем забочусь.

Умопостроение было так себе. Спорное умопостроение. Во-первых, я не считаю, что о Сережке можно говорить «как-никак». Он очень даже КАК. И последние восемь лет забочусь о нем в основном я. Нет, алименты мой бывший муж платит исправно. Но Сережка ему абсолютно неинтересен. Он не знает, что сын научился читать, когда ему не было и четырех. Что он ходит в секцию плавания и показывает неплохие результаты. Не знает, что у него была корь, а вот переболеть свинкой нам пока не удастся. (Мне бы очень хотелось, чтобы эту хворь мы перенесли до периода полового созревания.)

Свою заботу о сыне мой бывший помимо алиментов видит только в одном. Раз в год, собираясь с женой и дочерью в отпуск, он настаивает на том, чтобы взять Сережку с собой.

Хотя я не права. Так понимает его заботу о сыне новая жена Нина. Мой бывший муж никогда не принимал никаких решений сам.

Нина очень печется об общественном положении их семьи. В посольстве все крайне внимательно следят за репутацией друг друга. А в том, чтобы регулярно брать в отпуск ребенка от первого брака мужа, согласитесь, есть особый шик.

– Смотрите, насколько мы не мещане! – каждый год как будто говорит окружающим Нина. – Смотрите, насколько у нас цивилизованные отношения и как я не препятствую общению мужа с прежней семьей!

Надо заметить, что уловка эта срабатывает и окружающие Нину уважают. Я же не против таких поездок. Во-первых, отец у ребенка все же должен быть. Пусть даже раз в год. А во-вторых, Сережка хоть мир посмотрит. Кстати, в выборе мест отдыха мой муж, вернее Нина, проявляет пристрастие к экзотике. Я бы до такого недодумалась.

Так и есть. На этот раз речь шла о поездке на остров Реюньон. Кто не знает, есть такой французский заморский департамент неподалеку от Мадагаскара. Ехать предстояло через месяц. Проблемы с визой муж брал на себя. Есть все же польза от его дипломатической карьеры. На мне оставалось официальное разрешение на вывоз, а также доставка Сережки в столицу Реюньона Сант-Дениз. Семья мужа летела туда прямо из Бангкока.

Тогда я еще не знала, что последний пункт создаст мне массу дополнительных хлопот. Сережка спокойно летал в самолете один. С книжкой про Гарри Поттера ему был не страшен даже десятичасовой перелет на Мальдивы. Там они отдыхали в прошлом году. Поэтому я опрометчиво согласилась на то, что 10 мая сын будет отправлен в Сант-Дениз.

На обратном пути папочкина семья доставляла его прямо к моему порогу. На остаток отпуска они прилетали в родной город провести нашу с Ниной свекровь. Мою, к счастью, бывшую.

Обсуждение всех перипетий предстоящего отдыха заняло довольно много времени. Когда разговор наконец-то закончился, часы показывали начало восьмого. Я еще немного поворочалась на подушке, устраиваясь поудобнее, но сна не было. Ни в одном глазу, ни в другом.

Спустя полчаса стало окончательно ясно, что день не задался, а потому я сползла с кровати и, кляня мужа, а заодно всех его родственников по женской линии до третьего колена, поплелась варить кофе, перебирая в уме дела, которые можно будет сделать сегодня.

* * *

Люди, когда-то связанные браком, никогда не расстаются до конца. Простившись, мы застреваем друг в друге как осколки в солдатском теле.

Эти «почти военные» раны сначала нестерпимо болят, не давая уснуть по ночам и сосредоточиться во все остальное время суток. Потом боль стихает, уходит куда-то на задний план, но сохраняется память, которая грозит взорваться новым нестерпимым приступом при любом неловком движении.

Для возникновения болевого синдрома достаточно выпавшей из старой книги фотографии, мелькнувшего в окне троллейбуса знакомого силуэта или такого вот звонка под утро.

Я никогда не стараюсь казаться лучше, чем я есть на самом деле. Те, кто меня любит, принимают меня со всеми моими достоинствами и недостатками. На тех, кто меня не любит, мне наплевать.

Единственный человек, в глазах которого я стараюсь всегда выглядеть успешнее, талантливее, достойнее, – это мой бывший муж. И, как мне кажется, это общее качество всех бывших. Мужей и жен. При каждой встрече, при каждом разговоре мы как будто даем им понять: смотри, я без тебя не пропала. Я живу хорошо, гораздо лучше, чем с тобой. У меня все есть. Позавидуй моей удаче и, может быть, ощути мимолетный укол от того, что я тебе больше не принадлежу.

* * *

Меня зовут Алиса Стрельцова. Имя досталось мне от мамы, которая в молодости была страстной почитательницей Кэрролла. Не могу сказать, что в детстве я сильно радовалась этому обстоятельству. Кэрролла мои одноклассники не читали, а вот вопросы «где твой кот Базилио?» и «в чем тайна Третьей планеты?» преследовали меня все десять лет учебы в школе.

Только в юности я научилась извлекать пользу из своего необычного имени. Молодым людям нравилось, что меня зовут Алисой. Мой бывший муж, который к тому моменту был еще будущим, тоже запал на него (и не только на него, естественно) со страшной силой. В результате я и стала Стрельцовой.

Его самого тоже зовут будь здоров: Артемий. Моя свекровь Илларию Венедиктовна (здорово, правда?) любит звучные имена. Когда родился наш сын, именно свекровь настояла, чтобы его назвали Сердалионом. Сердалион Артемиевич Стрельцов – так это звучит полностью.

Я, наивная, тогда верила, что, угождая свекрови, рано или поздно дождусь ее расположения, а потому особо не сопротивлялась, решив, что буду звать сына Сережкой. Забыла про свой печальный опыт, не подумала, дура, что ребенка в школе будут обзывать серапионом, скорпионом, медальоном... – детская фантазия богата на обидные клички.

Замуж я вышла в восемнадцать лет. Хотя «вышла» – это для тех, кому за 30. Те, кому за 20, – высказывают, ну а я, видимо, вылетела. Через два месяца после начала студенческой жизни стало понятно, что у меня страстный роман с однокурсником. Тем самым Артемием Стрельцовым.

Мне в нем нравилось все. Необычное имя (мы все тогда безумно увлекались роком и, естественно, легендарным музыкальным плейбоем Артемием Троицким). Красивая фамилия, баскетбольный рост, прямой нос и синие глаза, вызывавшие у меня почтительное удивление.

Фактором, заметно ускорившим развитие наших отношений, стала роскошная четырехкомнатная квартира, принадлежавшая Артемию безраздельно. Его отец был членом Верховного Совета (смешно звучит – «был членом») и жил в Москве. Мама Илларию Венедиктовна, «поступив мальчика в институт», уехала следом за мужем налаживать депутатский быт.

Так Артемий оказался на факультете иностранных языков местного университета, в одной группе со мной.

Полгода я пребывала в состоянии безоблачного счастья. Мои родители радовались нашей большой и чистой любви. Его родители ничего о ней не знали.

Первое предупреждение о необходимости гасить эмоциональные кредиты жизни прозвучало под Новый год, когда любящие родители нагрянули домой, к ненаглядному сыночку. Мы, естественно, собирались отмечать праздник вместе. Поэтому, слегка робея, я с новомодной прической, в умопомрачительном платье и с минимумом косметики на лице предстала перед светлыми очами Илларию Венедиктовны.

Мой ненаглядный, хорошо знавший свою мамочку, ни о чем ее не предупредил. Поэтому мое появление оказалось для нее сюрпризом. Не могу сказать, что приятным.

Пикантности ситуации добавил и факт присутствия за новогодним столом разодетой в пух и прах Нины.

Из невинного меканья и беканья, которое я смогла выдавить, прижав к стене на кухне изрядно обделавшегося Артемия, выяснилось, что их родители много лет дружат семьями. Отец Нины был когда-то первым секретарем обкома.

Несмотря на это «когда-то», свой статус мой будущий свекор Александр Антонович ценил безмерно. А Илларию Венедиктовна еще больше. Само собой разумелось, что Артемий и Нина поженятся. Так бы оно и случилось, если бы моего любимого не настиг ураган «Алиса».

– Бред какой-то! – тут же заявила я ему. – Не Средневековье же, чтобы без любви жениться. Твоя мама обязательно поймет, как мы любим друг друга. И вообще, я ей понравлюсь. Я нравлюсь всем мамам без исключения.

На самом деле так оно и было. Подружки и приятельницы моей мамы класса с седьмого (моего, естественно) спали и видели, чтобы я вышла замуж за их сыновей. Сыновья относились ко мне с разной степенью интереса, но мам я почему-то очаровывала «на раз».

Артемий в ответ только вздохнул. И, как выяснилось позже, оказался гораздо ближе к истине. Илларию Венедиктовна оказалась первым в моей жизни исключением из правила.

В ту новогоднюю ночь я была скромна, остроумна и почтительна. Я без устали восхищалась успехами Артемия, его внешностью, убранством дома и вкусом поданных на стол блюд. То есть, с точки зрения любой потенциальной свекрови, вела себя правильно. Но новогоднее застолье все равно напоминало поминки. Не хватало только горестных причитаний «на кого ж ты нас покинул, родимый?». Впрочем, их сполна заменяли траурные вздохи Нины. В два часа ночи я позорно покинула поле битвы и сбежала домой.

Назавтра Артемий не позвонил. Я промучилась до восьми вечера и все-таки рискнула набрать его домашний номер.

– Артемия нет дома, – услышала я ледяной голос в трубке. – Они с Ниной (голос заметно потеплел) ушли на каток. И попрошу вас больше сюда не звонить (телефонная трубка покрылась инеем). В конце концов, это неприлично.

Два дня я функционировала в режиме рыбы белуги. То есть ревела в голос. На третий мне предстояло приплыть на экзамен, к которому я была совершенно не готова. И вообще, разве белуги сдают экзамены?

Артемий встретил меня у входа в институт.

– Лисенок, – шептал он, елозя губами по моей мокрой щеке, – я тебя умоляю, потерпи немного. Через неделю они уедут, и мы снова будем вместе. Потерпи, маленькая, я тебя так люблю. У нас все будет хорошо.

Нам действительно стало хорошо. Не считая того, что экзамен я в тот день завалила. Зато теперь у нас был План по преодолению сопротивления семьи Стрельцовых.

Великий План заключался в том, что Артемий доложил родителям, что больше со мной не встречается. Раз в неделю он приглашал Нину на концерт или в театр, о чем информировал мамочку, успокаивая вероятных противников и скрывая от них направление главного удара.

Вторая часть плана состояла в том, чтобы сделать меня беременной. Это Артемий выполнял с гораздо большим энтузиазмом. Впрочем, я тоже была не против. Мне очень хотелось добиться результата. Да и процесс, в принципе, нравился.

Это было похоже на легкоатлетический кросс. Каждый раз, разглядывая чешскую люстру под потолком (неизменный атрибут, свидетельствовавший о высоком положении владельцев квартиры), я представляла, что бегу на не очень длинную дистанцию. Когда запыхиваешься, конечно, но не сильно, не до сбоя дыхания. Ощущаешь приятную усталость и страшно горд результатом.

В мае к гордости начала примешиваться тошнота по утрам. Мы коварно скрывали мое интересное положение до июля. Ждали, пока Александр Антонович и Илларию Венедиктовна заедут домой перед отпуском. К слову, они планировали, что Артемий и Нина поедут с ними. В Болгарию. На Золотые Пески.

До сих пор, когда я представляю, сколь жестоким было разочарование Илларию, мне становится ее жалко. Гордая дама билась в истерике как юная институтка. Когда же выяснилось, что аборт делать уже поздно, истерика перетекла в отчаяние.

Артемий вел себя как нагавивший в прихожей щенок. Честное слово, он даже прижимал уши к голове. Меня, помню, это умиляло. Боже, как же я тогда его любила!

Буря бушевала неделю, после чего наши родители познакомились и начались приготовления к свадьбе. Будущая свекровь разрывалась между неукротимой потребностью не ударить в грязь лицом перед знакомыми и желанием, чтобы у этой «распутницы, обманом втершейся в наш дом» (то есть меня), не было Праздника.

– Как нам ее людям показывать! – жаловалась она Артемию очень громким шепотом. – И так-то не красавица, манер никаких, да еще и беременная! – В устах Илларию беременность была чем-то схожим с неприличной болезнью.

Мой будущий муж, моя любовь, моя надежда, светоч и опора, подлю молчал в ответ. Я страдала.

– Алиса, – сказала мне мама, когда мы уже буквально стояли на пороге, чтобы ехать заказывать свадебное платье, – подумай хорошенько, девочка моя. Может, не нужна тебе никакая свадьба? Поживите с Артемом (мама никак не могла выработать привычку называть зятя аристократическим именем) у нас. С ребенком я помогу. Ты ведь даже не представляешь себе, во что ввязываешься.

Но мне хотелось замуж. Хотелось быть законной женой Артемия Стрельцова и воспитывать нашего законного ребенка. Правда, мысль пожить у моих родителей показалась мне заманчивой.

– Не глупи, – сказал Артемий, с которым я поделилась этой идеей. – Мои предки все равно скоро в Москву свалят. Терпеть-то осталось всего ничего. Сразу после свадьбы и уедут. А у меня все-таки четыре комнаты.

Свадьбу я помню как один большой кошмар. Только и всплывают в памяти разрозненные картинки. Ледяное лицо свекрови, которая за вечер ни разу не улыбнулась. Соболезнующие лица ее друзей. Отстраненное – свекра. Заплаканная мама. Насупленный папа. Моя подруга Наташка, очень веселая, потому что она впервые в жизни пришла на свадьбу. Лелька, моя свидетельница, которая почему-то наклюкалась до безобразия. Серьезная Инка, свидетельница со стороны Артемия.

Нины Фроловой и ее высокопоставленных родителей на нашей свадьбе не было.

Поженились мы семнадцатого августа, а семнадцатого декабря родился наш сын. Такое вот совпадение. Тогда я думала, что счастливое.

Надо признать, что первые четыре месяца моей семейной жизни, пожалуй, были совершенно безоблачными. Мы с Артемием очень любили друг друга. Мы жили одни в огромной квартире. Поддерживать порядок по хозяйству мне было нетрудно, хотя муж (меня в восторг приводило это слово) в бытовых вопросах оказался сущим младенцем. Я, правда, тоже мало что умела, поэтому особенно над его странностями не зависала.

Мы, несмотря на мое интересное положение, с каждым днем становившееся все более интересным, по вечерам практически не вылезали из постели – бегали наш небольшой кросс. На чешской люстре я уже знала все мелкие дефекты, все царапинки...

Иллариия Венедиктовна каждый вечер названивала сыночку, чтобы узнать: действительно ли портится характер у беременных, кормит ли его хоть кто-нибудь и жалеет ли он о своем скоропалительном необдуманном решении? Моим здоровьем за это время она не поинтересовалась ни разу.

За несколько дней до Нового года меня выписали из роддома. Там мне исполнилось девятнадцать. Артемий притащил 19 роз, которые мне только показали через стеклянную дверь ординаторской. Носить цветы в роддом было не положено.

Встречали нас с сыном муж и мои родители. Мама все обнимала меня и плакала, папа растроганно улыбался. А мне было очень страшно.

– Мамочка, – спросила я, когда мы уже сидели в машине, – а как же я управлюсь-то? Я его даже в руки брать боюсь. Он такой маленький, мне кажется, что он сломается. Может, мы у тебя немножко поживем?

– Мама с папой приехали, – ответил Артемий. – Специально на несколько дней раньше, чтобы тебе помочь.

Тут мне стало страшно по-настоящему. Надо отдать мне должное. Уже тогда я засомневалась, что в планах моей свекрови, даже самых отдаленных, стоит помощь «этой распутнице, обманом втершейся к нам в дом».

Так оно и оказалось. Целыми днями я моталась по квартире. У кого есть дети, тот меня поймет. Свекровь один раз в день ровно на 15 минут уносила внука в свою комнату, чтобы посюсюкать с «несчастливым ребенком». В остальное время она его упорно не замечала.

При этом я то и дело слышала, что я криворукая, что у меня напрочь отсутствует материнский инстинкт, что из-за меня орущий ребенок не дает никому спать по ночам.

Все, что я заказывала у Деда Мороза прошлой зимой, сбылось. Но мне, грешной, стало казаться, что, заказывая все это, я явно перестаралась. Как там у кого-то из мудрецов: «Бойся своих желаний – они могут исполниться».

В январе свекор со свекровью, к счастью, опять отбыли в столицу. При этом выяснилось, что я все-таки должна переехать к маме, чтобы мальчик (имелся в виду Артемий) мог спокойно подготовиться к сессии.

Я сессию сдала тоже. Из принципа. Одному богу да еще маме и моей подруге Инке известно, чего мне это стоило.

Еще через месяц погиб папа. В авиакатастрофе. Он был инженером-газовиком. Прекрасным специалистом, который мотался по области, осматривая какие-то газовые установки. Тогда я в этом не разбиралась по молодости лет, а к нынешнему времени так и не разобралась, потому что для меня это до сих пор очень большая тема.

В день гибели он облетал свои владения на вертолете. Вертолет упал, зацепившись за верхушки деревьев. Свекровь и свекор даже не приехали на похороны. Я металась между сыном, Артемием и учебой. Мама выживала, как могла, в своей квартире.

Постепенно жизнь входила в привычную колею. Подростал названный Сердалионом сынишка. Мама слегка оправилась, стала похожа на себя прежнюю.

Разгон Ельциным Верховного Совета меня встревожил. И вовсе не потому, что я была верной сторонницей Руцкого. Я испугалась, что свекор со свекровью могут вернуться домой. Но Александр Антонович победил на выборах в первую российскую Госдуму, так что я успокоилась и за будущее страны, и за свое.

Чужая ненависть и следующий за ней страх, перерастающий в панику, обжигали меня только два раза в год: на Новый год (кстати, я с тех пор так и не полюбила его обратно) и летом,

когда родители мужа приезжали в отпуск. В остальное время я была вполне довольна жизнью. В том числе семейной.

* * *

Через несколько лет катастрофа все-таки разразилась. Свекор отсидел свой очередной срок. Ну, в смысле состоялись перевыборы в Думу, и он на них проиграл. Не набрал нужного количества голосов. Его обогнал доселе никому не известный генерал. Интересно, что его кампанией занималась Инкина газета.

Инка тогда уже вовсю публиковалась и пробовала себя в пиаре. Она и в институт-то ходила от случая к случаю. Мы с ней на кухне подолгу обсуждали всякие пиар-технологии. Мне это казалось интересным, а Инка была важная, как индюк. Ей нравилось слово «имиджмейкер», и единственное, что расстраивало, так это то, что генерал – новичок в политике – никак не мог выучить это мудреное слово и упорно называл ее «жмейкером».

Самое смешное, что голосование проходило семнадцатого декабря, в день рождения Сережки. Могла ли я подумать, что победа Инкиного кандидата, за которого я, кстати, голосовала (из-за симпатии к Инке и фиги в кармане для свекрови), непоправимо изменит мою жизнь?

Илларию Венедиктовна и Александр Антонович приехали домой перед Новым годом с каменными лицами, и в семье воцарились траур и стойкий запах валокордина. Свекор практически не выходил из своего кабинета, видимо, переживал, как без него обойдется страна. Стоило Сережке с гиканьем пронестись по квартире, как Илларию Венедиктовна металлическим голосом просила меня поддерживать тишину в доме.

Мы с Сережей запирались в нашей комнате, где я читала ему сказки, но трехлетнего малыша было трудно долго удерживать на месте. Он вырывался из моих цепких объятий, сползал на пол и, топая крепкими ножками и громко смеясь, бежал по коридору...

К февралю быт постепенно наладился. В квартире даже появилась домработница. Шустрая пенсионерка быстро разобралась, кто в доме хозяин. Именно мои колготки отныне всегда доставались из стиральной машины порванными, а свитер – севшим на три размера. Стоило мне заикнуться, что я терпеть не могу гороховый суп, как его стали варить на обед с завидным постоянством.

Домашние вечера перестали быть томными. Я не могла разговаривать по телефону с Лелькой, потому что «воспитанные люди не занимают телефон, который может кому-нибудь понадобиться».

Я не могла уйти к Инке, потому что «порядочные женщины не бросают мужа и ребенка, чтобы сбегать на свидание».

Каждый день свекровушка находила тысячу причин, по которым я должна была считаться полным ничтожеством. Я не так ходила, не так одевалась, не так разговаривала и не так воспитывала ребенка. Даже то, что у меня от природы серые глаза, вызывало у свекрови сильнейшие подозрения.

Муж не то чтобы вставал на сторону мамы. Просто он никогда не вставал на мою. Семейная жизнь шла ко дну, как «Титаник». Чешскую люстру я разглядывала все реже. Но продержалась на плаву довольно долго. До конца госэкзаменов. А потом собрала свои и Сережкины вещи и ушла с сыном к маме. Мне очень хотелось верить, что муж последует за нами.

17 августа, в день четвертой годовщины нашей свадьбы, он действительно появился на пороге нашей квартиры. Но возвращать нас обратно он вовсе не собирался.

– Ты не оправдала моих надежд. Я думал, что ты достойна войти в семью Стрельцовых, достойна моей любви. Но после того как ты так оскорбила маму, а потом бросила меня и ушла, забрав сына, нам не остается ничего другого, как расстаться. Я подаю на развод.

В принципе, я ожидала чего-то подобного, поэтому рыдала не так уж долго – часа четыре. Моя мечта о семейной жизни с любимым мужчиной... Моя вера, что такую любовь, как у нас, не может разрушить даже Илларию Венедиктовна... Мое желание, чтобы у Сережки был достойный отец... Все рассыпалось на глазах, смывалось слезами, оставляя разводы как на подушке, так и в душе.

В сомнамбулическом состоянии я провела месяцев пять. Плохо помню развод. Знаю, что мы ходили на него то ли два, то ли три раза. Судья с усталым взглядом матери-одиночки все пыталась нас остановить, ведь у нас ребенок. Потом свекор нажал на какие-то свои кнопки, и нас наконец-то избавили друг от друга. Я работала учителем в школе. На жизнь хватало, но мне было плохо, скучно и как-то серо.

Очередной Новый год мы встречали втроем: мама, Сережка и я. Мои девчонки все как одна были вовлечены в бурные любовные истории. Им было с кем праздновать. Я ходила по принаряженной квартире мрачная, как туча. Поздравляя Сережку с четвертым днем рождения, Артемий гордо объявил, что женился на Нине и уезжает жить в Москву.

Там его ждала оставшаяся от отцовских депутатских будней квартира, а также дипломатическая служба, на которую его тоже пристроил Александр Антонович. Знание двух языков давало надежду на работу за границей. Года через два, точно не помню, так оно и произошло.

Из желания отвлечься, освободить голову от мыслей о незадавшейся жизни и родилось занятие, которое потом стало для меня источником стабильного дохода. Я начала выдавать замуж засидевшихся в девицах подружек и соседок. Роль свахи мне удавалась. Практически все знакомства, о которых я хлопотала, заканчивались фатой и маршем Мендельсона.

Творчески осмыслив этот факт, я решила поставить свадебное дело на промышленную основу. Открыла свою фирму, проштудировала родное законодательство, закупила несколько газет с объявлениями и пачку конвертов, и работа закипела. Первый год я трудилась как проклятая. За своим рабочим столом проводила по 12–14 часов в сутки, но к концу этого жуткого года у меня уже был свой офис (одна комната в полуподвальном помещении), штат сотрудников (не поступившая в институт девчушка, которая теперь вместо меня надписывала конверты) и картотека клиентов. Школу я, естественно, бросила.

Название своему детищу я придумала незамысловатое, но красноречивое: «Зимняя вишня». И взяла из одноименного фильма девиз: «Семья, как и Родина, просто должна быть». Он красовался на моих визитных карточках, а также на рекламных проспектах, которые я, не жалея денег, раскидала почти по всему городу.

На тот момент мне было 26 лет. Сегодня – 32 с копейками, и я хозяйка стабильно работающей конторы, в которой трудятся четыре психолога, два сексопатолога и с десяток менеджеров. В нашей картотеке есть представители почти всех российских городов, а также заокеанские женихи и невесты. Несколько десятков моих протеже живут в Германии, Франции и Бельгии.

У «Зимней вишни» прекрасное реноме, а стоят наши услуги столько, что я вполне могу позволить себе и ананасы в шампанском, и птичье молоко, и поездки на заграничные показы мод или Каннский фестиваль. Даже этот проклятый Режуньон я бы тоже вполне могла себе позволить. В общем, женщина я самостоятельная и обеспеченная, а уж опыта в устройстве чужой личной жизни у меня хоть отбавляй.

* * *

Иногда я думаю о том, удалась бы моя карьера, если бы Артемий меня не бросил. И всегда прихожу к выводу, что нет. Я моталась бы за мужем из одной экзотической страны в другую, варила борщи, жарила котлеты и судачила с посольскими кумушками.

Скорее всего, я родила бы Артемию второго сына. Или нет, лучше дочку, и либо сидела бы дома, либо работала в посольской школе. Мне было бы абсолютно ни к чему кому-то что-то доказывать. Да и материальное благополучие нашей семьи зависело бы вовсе не от меня.

Читая в модных журналах о женщинах, сделавших карьеру (а про других женщин модные журналы просто не пишут), я обратила внимание, что для многих из них крах в личной жизни стал толчком для собственного развития. Когда вдруг выясняется, что твоя надежда и опора уже вовсе не твоя и тебе самой нужно думать и о своем будущем, и о будущем твоего ребенка, а заодно о том, откуда берется еда в холодильнике, это здорово бодрит.

Как говорится, за каждым известным мужчиной стоит любовь женщины, а за каждой успешной женщиной стоит предательство мужчины. Так что если кому-то нужны чужие советы, послушайте моего: ваша жизнь – слишком серьезное дело, чтобы доверить его мужчине.

Ну как можно отдать свою судьбу в руки человека, который трижды в неделю теряет собственные носки?

* * *

Он плакал во сне. Ему снился холодный, покрашенный масляной краской туалет. А в нем – худенькая девушка, почти девочка, которая пришла сюда, чтобы спрятаться. От злых людей, от самой себя.

Наверное, это очень символично – закончить свою жизнь в туалете. Ведь вся она – сплошной сортир. В его зловонных недрах копошатся черви, по недоразумению считающие себя людьми. Если бы можно было просто взять и спустить себя в канализацию вместе со всеми проблемами! И ощутить, как воронка воды засасывает в себя весь твой страх, боль, отчаяние, кислотой разъедающие внутренности...

Вода – как слезы. Она омывает душу, разбавляя эту ненасытную кислоту, плещущуюся волнами у самого горла. Иногда какая-нибудь особо жестокая волна поднимается, заливая глаза и черепную коробку, в которой начинает шипеть и обугливаться мозг.

Девушка, сидя перед унитазом, покрытым несмываемыми пятнами ржавчины, раз за разом дергала за железную цепочку сливного бачка и наблюдала за вспенивающимися бурунчиками воды. На все остальное сил у нее уже не было. В своем сне он отчетливо слышал, о чем она думает.

«У нас, когда я была маленькая, была такая цепочка, – вслед за ней он вспоминал, что да, именно такая цепочка. – Потом уже, во время ремонта, все знакомые стали менять сантехнику на современную, а поначалу у всех были такие бачки – чугунные, под самым потолком, и металлические цепочки с колечком на конце. Сейчас только в больницах такие бачки и остались. Бачок... Бычок... Идет бычок качается, вздыхает на ходу... Как хорошо быть маленькой! Мама читала этот стишок и подбрасывала меня на коленках, а я боялась упасть, как тот бычок. Мама, мамочка, вот теперь я почти совсем упала, только твои руки меня уже не держат».

Во сне он протянул к ней руки, она качнулась со своего пола к нему навстречу, но начала таять в хмурой пелене его пробуждения. Еще не конца проснувшись, не до конца отпустив ту, которую он так сильно любил, он рывком сел в постели и ладонью протер мокрое от слез лицо.

«Черт знает, что такое, – мрачно подумал он, – последний раз я плакал в четыре года, когда скатился с деревянной горки и мама доставала мне из мягкого места сразу шесть заноз. Тогда же она объяснила мне, что слезы недостойны мужчины, и я больше никогда не позволял себе пустить слезу. Что сейчас-то со мной случилось? Нет, надо срочно доводить дело до конца. Зло надо не оплакивать, а побеждать».

* * *

Если не считать свекрови, мне в жизни сильно везет на людей. Прежде всего, на друзей. У меня их четыре – по одной на каждый жизненный этап.

Так уж получалось, что на каждом отрезке взросления у меня появлялась одна новая подруга, которая и дальше оставалась со мной рядом. Надеюсь, что навсегда.

Лельку мне подарил детский сад. Наши горшки стояли рядом. Правда. Я не шучу. В более позднем возрасте мы бы вряд ли встретились – в силу социального неравенства. Лелькина мама, тетя Надя, работала дворником. Вообще-то она подметала двор того дома, где я жила, а в детский сад устроилась только затем, чтобы туда взяли Лельку.

Сидя на горшке, я понятия обо всем этом не имела, мы с Лелькой просто подружились. Она с нежным трепетом относилась к моим новым куклам, особенно к немецкой, купленной в «Детском мире» за бешеные деньги – 14 рублей.

Я же с восторгом первооткрывателя разглядывала подружкины игрушки: зайцев, медведей и клоуна, сшитых из старых тряпок. Клоун мне нравился особенно. Тетя Надя соорудила его из махрового халата – голубого в белые облака. Мне казалось, что это очень красиво. К тому же ни у кого больше не было таких игрушек. Помнится, я попыталась поканючить, чтобы и мне мама сшила такого же клоуна. Обязательно голубого с белым. Но мама моего восторга не разделила и от исполнения материнского долга уклонилась.

В один со мной класс Лелька не попала. Директрисе бы в страшном сне не приснилось, чтобы в элитный первый «А» взяли дочку дворничихи. Поэтому за одной партой со мной оказалась не она, а Наташка, с которой я благополучно просидела все десять лет, за исключением двух месяцев, и, естественно, дружу до сих пор.

Таким образом, нас стало трое. Наташкина мама, преподаватель научного коммунизма в педагогическом институте, отнеслась к этому факту прохладно. Первые годы нас спасало то, что Лелька в своем «В» классе была круглой отличницей. Она искренне верила, что ее обязательно переведут в «А», если она добьется «успехов в боевой и политической».

После первого класса тетя Надя наотрез отказалась разговаривать на эту тему с директором. После третьего Лелька взяла дневник с оценками за год и пошла к директрисе сама.

Результат похода напоминал разгром шведов под Полтавой. Директриса быстро и доходчиво (методист как-никак) объяснила десятилетней девчонке, что «запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не сойтись».

К чести Лельки, плакала она недолго. Зато в четвертом классе абсолютно забила на учебу. Психологи называют это отсутствием мотивации. К седьмому классу моя подружка дружила с самыми отпетыми хулиганами, взятяг курила на заднем крыльце школы и ругалась отборным матом.

В результате на Наташкину дружбу с ней был наложен мораторий. Мои родители по этому поводу тоже совещались, а я, конечно, подслушивала. Мама озабоченно говорила что-то о «тлетворном влиянии». На что папа мудро, хоть и слегка печально, ответил:

– Мы не можем запретить Алисе дружить с тем, с кем она хочет. Тебе должно быть важно, чтобы она не получала двойки, не курила и не шлялась. Воздействовать на жизнь чужого ребенка ты не сможешь, даже если вывернешься наизнанку. Сейчас ты хотя бы знаешь, что, с кем и как делает твоя дочь. Если хочешь, чтобы она начала действовать тайком, лгать и изворачиваться, ты на верном пути.

В результате этого нестандартного педагогического подхода местом встреч, которое изменить нельзя, стала наша квартира. Наташке запретили ходить к Лельке домой и приглашать ее к себе. Запретить визиты ко мне ее родители не могли, так что закрыли на это глаза. Логика, надо признать, в подобном подходе не было ни на грамм.

Основной удар подросткового кризиса моя мамочка героически приняла на себя. Лелька принесла в школу порнографические картинки – моя мама собрала нас троих на беседу о физиологических различиях мужчины и женщины, а еще о том, откуда берутся дети и что делать, чтобы они оттуда не брались.

Мама читала нам лекции о венерических заболеваниях. Мама учила вести женский календарь. Мама советовала, как быть с мальчиками. В прямом и в переносном смысле. В общем, досталось ей от нашей троицы – будь здоров.

Как-то года три назад я вознамерилась сказать ей за это спасибо. Мама чмокнула меня в щеку:

– Доченька, мне правда приятно, что ты это смогла оценить. Но если честно, мне ведь было проще, чем, к примеру, Наташиной маме. Она разбиралась в этих вопросах совсем не так хорошо, как в научном коммунизме. А я все же гинеколог...

Лукавила, ой лукавила тогда мамуля! «Человекочасов» она на нас потратила немерено. И благодарна ей за это не только я. Лелька с Наташкой тоже это ценят.

– Ты знаешь, Алька, – как-то сказала мне Леля, – я вот думала, почему меня бог уберег от случайного залета, аборта... Я ведь ой как куролесила тогда! А потом поняла, что это я Александре Андреевне должна спасибо сказать. Вроде никаких инструкций она не давала, я ее так слушала, из интереса. Уж больно не сходились ее рассказы с тем, что девки в классе говорили. А как-то запало в душу. Я, вольно или невольно, в любой ситуации ее советам следовала.

В общем, мама у меня молоток. И тогда была, и сейчас.

На абитуре в институте я познакомилась с Инкой. Нас обеих трясло, как осиновый лист. А вдвоем трястись было не так страшно. И мы целый месяц проходили как «шерочка с машерочкой». Слава богу, первого сентября мы оказались в одной группе, так что нашего полку прибыло, и Инка влилась в наш дружный коллектив.

Вы даже представить себе не можете, что значила для меня поддержка подруг, когда я, беременная, готовилась к семинарам, через месяц после родов сдавала сессию, училась, несмотря на Сережкины вопли и хронический недосып, терпела издевательства свекрови и постепенно нарастающий разлад с мужем. Без них я бы пропала.

Позже к нашей компании прибилась еще Настя. Ее «выцепила» Инка, волею судеб попавшая в журналистки. Если Инка ведает журналистскими расследованиями и криминалом, то Настя отвечает за «светскую хронь» и официальный «паркет». Она частенько пользуется как моими, так и Лелькиными связями, но дружить нам это не мешает. Кстати, именно Настя однажды задумчиво заметила:

– А ведь у тебя, Алиска, талант. Ты не теряешь друзей по дороге.

– Как это? – удивилась я.

– Ну, посуди сама, много ли ты знаешь женщин, у которых четыре настоящие подруги?

– Да у всех женщин есть подруги, – по-прежнему не понимала я.

– Конечно, у всех, – терпеливо кивнула Настя. – С кем бы они иначе по вечерам по телефону трепались и кому бы на мужа жаловались? Но у большинства баб на данный момент времени, как правило, есть одна лучшая подруга, а остальные – это просто знакомые и приятельницы.

Они просто кочуют из одной категории в другую. С кем на данный момент больше общаешься – та и подруга. Обстоятельства изменились – уже другая подруга. А у тебя не так. Ты дружишь со всеми, с кем когда-то дружила. Это в твоей жизни – постоянная величина. Константа. Мужики меняются, дети появляются, стиль жизни совсем другой. А подруги те же!

Я тогда отмахнулась, но вечером вспомнила ее слова и с удивлением поняла, что она права. То есть я не про талант, конечно, а про то, что все мои подруги со мной. Лелька, Наташка, Инка и сама Настя. Ну и слава богу!

Глава 2

Сюрприз из подворотни

Жить надо так, чтобы тебя помнили и сволочи.
Фаина Раневская

Пытаясь сварить кофе, я уронила пакет с зернами. Пришлось ползать по полу. Настроения мне это не прибавило. В ванной ручка переключения душа вдруг осталась у меня в руках. В туалете выяснилось, что в доме в принципе закончилась туалетная бумага. На хлебе вырос пенициллин. Актимель, который я пью по утрам, почему-то забродил.

С этим срочно нужно было что-то делать, и я позвонила Лельке.

Моя детская подруга – самый модный парикмахер нашего города. У нее огромный салон, приносящий бешеную прибыль.

Как ей, дочке дворничихи, это удалось, знает только она сама. Ну и я немного. Я вам уже рассказала, что, осознав свой социальный статус, она сорвалась с резьбы. Ее загулы продолжались вплоть до восьмого класса, когда девку словно подменили.

Тогда я просто удивлялась. Много ли соображаешь в пятнадцать-то лет! Но много позже, когда мы уже стали взрослыми людьми, я поинтересовалась, почему она вдруг, ни с того ни с сего взялась за ум.

Оказывается, к этому тоже приложила руку моя мама. Как-то Лелька в выходной день заявила ко мне домой, пьяная в дымину. Меня по какой-то потерянной за давностью лет причине на месте не было.

Мама втянула Лельку в квартиру, сунула под холодный душ, растерла полотенцем, отпоила чаем и накормила. Душещипательных бесед она не вела, но когда моя протрезвевшая подруга была готова покинуть наш гостеприимный дом, мама произнесла:

– Люба, я сейчас скажу тебе одну вещь. Скажу и забуду. Потому что такие вещи говорят только один раз. Ты одна в ответе за свою судьбу. И в старости, оглядываясь назад, ты не сможешь винить в том, что с тобой случилось или не случилось, ни маму, ни обстоятельства, ни Галину Александровну (так звали нашу директрису), ни Господа Бога.

Ты можешь жить, как живешь. И тогда твоя дочь тоже будет ходить в «В» класс и злиться на то, что ее не принимают в круг избранных. Но ты можешь поставить перед собой цель, чтобы у твоей дочери было все, чего лишена ты. И добиваться достижения этой цели.

Ты в начальной школе доказала, что достойна лучшего. Но ты не должна никому ничего доказывать. Даже себе. Значение имеет только будущая цель. Найди ее и иди к ней. Не спускай в сортир свою жизнь и жизнь твоих будущих детей.

После этого мама выставила Лельку из квартиры. Мне про этот разговор тогда не рассказала ни одна, ни другая. Лелька три дня не ходила в школу. Думала. После чего пришла на уроки совсем другим человеком.

Исправлять аттестат, чтобы попасть в девятый класс, ей было поздно. Там все было очень запущено. Кроме того, тетя Надя вряд ли могла тащить на своей шее дочь до бесконечности. К тому времени она уже очень тяжело болела, и Лелька все чаще подметала за нее двор по утрам.

Окончив девять классов, она пошла в ПТУ. Учиться на парикмахера. Когда ей нужно было сдавать какие-то экзамены или что они там сдавали, ее подопытным кроликом всегда оказывалась я.

Страшно было только в первый раз. Потому что тогда же выяснилось, что Лелька жутко талантлива. Под ее руками на голове рождалось чудо. Глядя на мою неземную красоту, к «экзаменам» подключилась Наташка, полгода канючившая, чтобы ее тоже подстригли.

Получив диплом, Лелька устроилась в парикмахерскую. Через полгода к ней записывались в очередь на месяц вперед, а заведующая смотрела на нового мастера как на божество и называла доченькой.

За минувшие годы Лелька окончила хренову тучу курсов, открыла свое дело, набрала талантливых мастериц и развернулась во всю ширь. Сама она берет в руки ножницы только для особых клиентов. Ее личные услуги стоят триста баксов. Надо ли говорить, что меня, маму и подруг Лелька обслуживает бесплатно?

Ее сын Максим учится в самой престижной школе города. Напророченной ей моей мамой дочерью она пока не обзавелась.

– Ты чего в такую рань встала? – удивилась Лелька, услышав мой голос.

Естественно, подруга знала, что накануне мое агентство устраивало праздник, который мы проводили третий год подряд. Мы арендовали большой ресторан, в который приглашались все пары, нашедшие друг друга с нашей помощью за последний год. Поэтому мероприятие так и называлось: «Бал счастливых встреч». Кроме того, на него приходили наши новые клиенты, как мужчины, так и женщины, которым пока не удалось найти свою вторую половинку. По нашей статистике, на этом балу завязывалось от десяти до двадцати новых знакомств. Половина из них заканчивалась браком, и на следующий Бал пары приходили уже в новом статусе.

Приглашение на такое мероприятие стоило недешево, но бал пользовался в городе огромной популярностью, полностью окупал себя и приносил весьма ощутимую прибыль. Подготовка к нему отнимала у меня два месяца жизни, но результат того стоил.

Только накануне Лелька соорудила мне на голове Нечто. Потрясающе великолепное. Но к утру оно, естественно, превратилось в Ничто.

– Артемий в шесть утра позвонил, потом не смогла уснуть, – кратко объяснила я причину раннего подъема.

– Вот козел, – беззлобно ругнулась Лелька и деловито поинтересовалась: – Приехать хочешь?

– Хочу, – честно призналась я. – Во-первых, на голове стог, во-вторых, я душ сломала, в-третьих, все из рук валится. И настроение – в хлам.

– Приезжай, – милостиво разрешила подруга, – только быстро. Я сейчас одну даму прикончу. А следующая через полтора часа. Если сможешь переместить свою жопу в пространстве за 20 минут, я успею.

Нет, хулиганское прошлое все-таки не отпустило Лельку насовсем. Хотя все мои подруги – жуткие хулиганки. И крепкое словцо для нас – норма жизни. Ведь лучше иногда просто не скажешь.

За двадцать минут моя попка (очень даже ничего, сорок четвертый размер, приятная на глаз и на ощупь), затянута в джинсы то ли от Дольче, то ли от Габбаны (я их все время путаю), успела-таки переместиться к Лелькиному салону. Сверху я надела обожаемую мной кашемировую водолазку фирмы «Гленфильд». Я ее всегда надеваю, когда мне требуется релаксация. Сверху была небрежно накинута куртка от Гисвайн и итальянский шелковый шарф.

Увидев подругу, я невольно залюбовалась. Лелька красавица. У нее пышные формы, которые я, в принципе, считаю недостатком. Но Лельку они совершенно не портят. А у мужчин вызывают обильное слюноотделение, так что я не представляю ее ни в каком другом размере, кроме сорок восьмого.

Двигается она с грацией крупного хищника семейства кошачьих. Плавно, но стремительно. Только Леля может одновременно раздавать указания мастерицам, сама щелкать ножницами, предлагать клиенткам чаю, беседовать со мной, разговаривать по мобильному и комментировать происходящее за окном.

За час, проведенный в Лелькиной компании, я успела рассказать о том, как прошел Бал, и о планах Артемия свозить Сережку на Реюньон, выпить очень вкусного чаю, привезенного

подругой для своего салона из Англии, получить умопомрачительную укладку и массаж лица, а также всерьез решить, что внутренний барометр был не прав и жизнь все-таки вполне себе хорошая штука.

* * *

У нас, женщин, есть особое свойство вытаскивать себя из плохого настроения «за волосы». В прямом смысле слова. Какие бы неприятности ни выпадали на нашу долю, ни ложились тяжким грузом на наши хрупкие плечи, ни сотрясали наш богатый внутренний мир, достаточно сделать новую прическу – и жизнь видится не в таком уж черном цвете.

Вот у мужчин этого нет. А зря. Глядишь, они бы реже впадали в запой или меланхолию, что, впрочем, для большинства особей мужского пола одно и то же. Когда я про это думаю, неизменно прихожу к выводу, что мужчины все-таки существа второго сорта. Недоделанные какие-то.

А женскую способность изменить настроение с помощью краски и щипцов для волос лично я считаю признаком лучшей приспособленности к окружающему нас жестокому миру и большей «продвинутости», если хотите.

* * *

К десяти часам я была весьма хороша собой. В таких случаях моя подруга Настя требовательно восклицает: «Скажи, что я неземная!» Я говорю, мне не жалко...

В неземном образе я донесла свою красоту до машины, села за руль и призадумалась, что делать дальше. Для субботнего утра было еще чертовски рано. Зная о вчерашнем Бале, меня никто нигде не ждал, даже мама с ночевавшим у нее Сережкой.

Можно проехаться по магазинам. Можно отправиться в офис, где за два месяца подготовки к Балу накопилось огромное количество текучки. Можно заявиться к кому-нибудь из моих девок. Можно проехаться по магазинам... Хотя об этом я уже один раз подумала. В результате я решила проявить сознательность и съездить в домоуправление при моем старом доме. Для получения нового заграничного паспорта мне понадобилась какая-то дурацкая справка. А времени ее получить катастрофически не было.

Дело в том, что, заработав первые в своей жизни деньги, я решила квартирный вопрос. Мы с мамой жили в старом спальном районе города. Наша квартира была обычной хрущевкой-распашонкой, в которой слишком многое напоминало о папе, о разводе, обо мне прежней.

Моя новая квартира располагалась в элитном квартале. Сделав в ней хороший ремонт и обставив жилище мебелью, я переехала в нее вместе с Сережей. Это было четыре года назад. Маме я тоже купила новую квартиру. Проще и поменьше, но тоже в приличном месте. Старую квартиру мы продали. С тех пор в старом районе, где прошло мое детство и где находилась моя школа, я не бывала ни разу. Ведь и Лелька, и Наташка оттуда тоже давно переехали.

После Бала счастливых встреч на меня иногда находит. Именно этим я могу объяснить тот факт, что оставила машину у школы и пошла к ЖЭКу пешком, вспоминая детство, историю знакомства с Лелькой и Наташкой, школьные приключения и первые влюбленности.

День был солнечный, снег почти растаял, барометр вел себя прилично. Тетка в ЖЭКе, отвечающая за выдачу справок, почему-то оказалась на месте и даже почти не хамила. Так что через пятнадцать минут я, довольная и умиротворенная, вышла на крыльцо и увидела Лору.

Лора – моя одноклассница. В седьмом классе я даже два месяца сидела с ней за одной партой. Наташка тогда сломала ногу, лежала дома, ныла и пыталась просунуть под гипс линейку, чтобы почесать загипсованную поверхность. Не скажу, что это были два самых веселых месяца в моей жизни.

Лора не была занудой в полном смысле этого слова. Она вообще никем не была. Серая, блеклая, неприметная мышь. С неизменно унылым видом, чересчур длинным носом и волосами, которые выглядели нематыми даже после парикмахерской. Фигура у нее, конечно, потрясающая, никто не спорит. В спортзале девчонки нашего класса с завистью смотрели на ее высокую грудь и подтянутую попку. Впрочем, только девчонки и смотрели. У мальчиков Лора абсолютно не котировалась. Ее попросту не замечали, все десять лет.

До того момента, как Лора оказалась со мной за одной партой, я ее тоже в упор не видела. Но тут вдруг разглядела и призадумалась, как троечница и тихушница, которую воспитывала одинокая тетка, могла оказаться в нашем элитном классе, куда не взяли отличницу Лельку.

Этот вопрос мы горячо обсуждали с Наташкой, когда я прибежала ее провести. Разговор услышала Наташкина мама, которая, в ходе преподавания научного коммунизма, оказывалась в курсе разных интересных событий. (Чуть позже я начала подозревать, что она сотрудничает с КГБ, но задать этот вопрос Наташке постеснялась, чтобы не обижать подругу.)

Ирина Алексеевна и рассказала нам по большому секрету трагическую историю Лоры. Ее отец был очень крупной шишкой в областном торговом управлении. Мать не только сама одевалась как картинка, но и дочке приобретала только дорогие заграничные тряпочки, так что в детском саду Лора выглядела как маленькая принцесса.

Благодаря папе Лору и взяли в наш класс, но где-то в третьей четверти торговый работник был арестован за махинации, в том числе валютные. Все, что было нажито нечестным путем, включая бриллианты, меха и машину «Волга», конфисковали.

Процесс был громким, но, естественно, мы, первоклашки, об этом ничего не знали. Спустя год состоялся суд. Лориному отцу дали десять лет. В день суда ее мать отравилась вероналом. Она не знала, как жить без мужа, без привычной дорогой одежды, без французских духов, без икры на завтрак, а главное – совсем без денег. Я не помню, кем именно она работала, но прокормиться на свою зарплату вместе с дочкой не могла.

Опекуном Лоры стала тетка – двоюродная сестра отца. Она была очень честным человеком и убежденной коммунисткой, поэтому яростно порицала своего брата и не могла простить его жене, что та оставила ребенка сиротой. Тетка переехала в дом, где жила Лора, чтобы девочке не пришлось менять школу. Это был тот самый дом, где располагался наш ЖЭК.

То, что рядом с моим детством могут происходить такие трагические истории, меня просто ошеломило. Назавтра в школе я смотрела на свою соседку по парте совсем другими глазами. И даже пыталась с ней подружиться, но Лора замыкалась в себе и отвергала предложенную дружбу.

Вскоре Наташка поправилась и заняла свое законное место рядом со мной, а Лора опять переместилась на «камчатку».

Кстати, за то время, что мы провели за одной партой, я успела разглядеть, что у Лоры очень красивые глаза. Синие-синие, с длинными пушистыми ресницами. За всю свою жизнь я еще только один раз встречала такие глаза – у моего мужа. Ничем хорошим это, впрочем, для меня не кончилось.

Если бы Лора ухаживала за собой, она могла бы превратиться в красавицу. Но... она не прилагала никаких усилий, чтобы подчеркнуть свои достоинства и скрыть недостатки. Поэтому красавицей не была. Даже на выпускном вечере умудрилась выглядеть серой мышью. Когда мы с девчонками через пару дней устроили «разбор полетов», никто не мог вспомнить, что же на ней было надето.

После школы о Лоре тоже никто ничего не слышал, на вечера трогательных встреч одноклассников она не ходила.

Тем не менее, встретив ее на улице спустя четырнадцать лет, я сразу поняла, что это Лора, потому что она абсолютно не изменилась. На высокой худощавой фигуре болталась невразумительная куртка, из-под которой выглядывал линялый вытянувшийся свитер. Из-под спутанных

и, естественно, грязных волос торчал длинный унылый нос. Но я ей все-таки обрадовалась. В старом дворе, где я не была все эти годы, во мне проснулась сентиментальность. И в тот момент я даже предположить не могла, что было бы гораздо лучше, если бы она спала и дальше.

* * *

Меня, как ни странно, Лора тоже узнала сразу, хотя неудавшееся замужество и удачный бизнес к тридцати годам довольно сильно изменили мою внешность. В школе у меня были русые, собранные в хвост волосы, а теперь на моей голове красовалось стильное рваное каре. Кроме того, за последние четыре года я путем постепенных преобразований превратилась в блондинку.

Несмотря на солнце, на улице было еще довольно прохладно, и я предложила Лоре зайти в кафе напротив, поболтать. Окинув взглядом мою курточку, шарф и джинсы, она замялась. Я догадалась, что у нее туго с деньгами. Меня финансовые проблемы уже давно не волновали, а потому я поспешила сказать, что угощаю. Поколебавшись, Лора все-таки посеменила вслед за мной в сторону неказистого подвальчика, где перед нами поставили по чашечке кофе и маленькому холестериевому пирожному.

Честно говоря, подобные заведения я стараюсь обходить стороной, потому что последствия их посещения могут быть необратимыми. Вернее, наоборот, очень даже обратимыми. Причем многократно. Но в том районе, где мы сейчас находились, приличных заведений просто не было.

Лора прихлебывала кофе из чашечки и рассказывала о себе: окончила политех по специальности водоотведение и канализация (ни фига себе занятие для женщины – проектировать, куда деть дерьмо!), распределилась в строительную контору, которая благополучно почил в бозе, так что Лора осталась без работы и средств к существованию. Живет случайными приработками, а в этот район ездит проведать тетку. Та стала сдавать, ей все чаще нужны лекарства, а денег не хватает.

– А ты разве не с ней живешь? – спросила я.

– Нет, с ней отец остался, – ответила Лора, и я подумала, что он уже давно должен был вернуться из колонии. – А я в старую теткину квартиру переехала. Однокомнатная, конечно, но мне одной места хватает.

– Как одной? – удивилась я. – У тебя что, детей нет?

– Нет, – печально улыбнулась Лора. – Ты знаешь, мне в личной жизни не везет. Катастрофа просто. Я замужем не была. Никто меня такую неудалую не берет.

– Ну хоть романы у тебя были? – не очень-то скромно поинтересовалась я, с трудом сдерживаясь, чтобы не пуститься в обстоятельные разъяснения. По поводу причин Лориных неудач.

– Были, – опустила глаза Лора, – но они ничем не кончились.

Задав еще несколько бестактных вопросов, я про себя поставила Лоре жестокий диагноз: классическая старая дева с кучей комплексов и женских болячек. И поняла, что просто обязана ей помочь. С моим опытом это было совсем несложно.

– Значит, так, – уверенно заявила я, – на следующей неделе я организую тебе парочку свиданий. Ты только не удивляйся. Я владелица брачного агентства «Зимняя вишня». Слыхала о таком?

– Конечно! – воодушевилась Лора. – Еще рубрика в газете такая есть. Я ее всегда читаю, только написать ни разу не рискнула. И еще я сюжет по телевизору видела, про Бал счастливых людей. Но никак не думала, что за этим стоишь ты.

– На следующем Балу ты тоже обязательно будешь. Причем на правах жены, – пообещала я. – Только слушайся меня, и все будет хорошо.

– Может, не надо? – заволновалась Лора. – Я уже привыкла. Мне дома очень хорошо. Я не люблю никуда ходить. И этих свиданий боюсь до ужаса.

– Надо! – припечатала я. И потребовала обмена телефонными номерами.

Пока Лора вытаскивала из потертого рюкзака мобильник, я огляделась по сторонам. Уютная пирожковая, куда мы на переменах бегали за булочками и песочными пирожными с розовой глазурью, превратилась в загаженное кафе, куда при других обстоятельствах я ни за что не зашла бы из гигиенических соображений.

Обзавестись приличными знакомствами тут явно не грозило. За соседним столиком, к примеру, расположился парень с сальным взглядом, который медленно цедил из замызганного стакана пиво, одной рукой поддерживая свою соседку, периодически пытавшуюся упасть на пол. Девушка была явно пьяна. Глядя на ее давно немытую голову, я тяжело вздохнула. Затем перевела взгляд на прическу сидевшей напротив меня Лоры и вздохнула еще раз.

«Надо будет как-то деликатно посоветовать ей тщательнее следить за собой», – отметила я. Тут Лора наконец-то начала тыкать пальцами в кнопки на телефоне, и я заметила, что у нее потрясающий маникюр. У меня у самой был почти такой же: накладные ногти, затейливо расписанные в Лелькином салоне, стоили двести долларов. Лора вряд ли могла позволить себе такую роскошь.

– Какие у тебя руки красивые, – не выдержала я. Моя собеседница рассмеялась:

– Представляешь, хоть в одном повезло! У меня ногти очень крепкие и растут быстро. Мне вечерами делать все равно нечего, так что я регулярно занимаюсь «холой ногтей». Правда, от накладных не отличишь?

Мобильный телефон, в который Лора вписывала мой номер, меня тоже поразил. В моем кармане лежал точно такой же – последняя модель «Нокии» с кучей наворотов, половиной которых я не пользовалась, а о второй половине даже не догадывалась.

Лора заметила мой взгляд и застеснялась еще больше.

– Я мобильники просто обожаю, – виновато улыбнулась она. – Как увижу новую модель, так сразу начинаю на нее копить. Иногда, кроме кефира и капусты, ничего не ем, но куплю телефон – и радуюсь как ребенок. Бывает же такое! Я к тряпкам совсем равнодушна. Мне все равно, что носить, а вот телефоны – моя слабость.

Я к телефонам отношусь спокойно. Звонит – и ладно. Поэтому свернула с этой темы на другую, которая интересовала меня гораздо больше, – тему устройства личной жизни.

– Можешь не сомневаться, – убежденно шептала я, – через полгода ты будешь уже с кольцом на пальце. Когда за дело берется Алиса Стрельцова, никто не сомневается в результате.

Договорившись созвониться в понедельник, я бросила на столик три сотенные купюры, поднялась и направилась к выходу. Лора понуро брела за мной. У самых дверей я обернулась на ее сдавленный крик. Грязная девица, сидевшая за соседним столиком, вцепилась в рукав Лоркиного свитера.

– Это ты виновата! – кричала она, пытаясь выцарапать моей однокласснице глаза. – Это из-за тебя все... Ненавижу, проклятая, проклятая... Ненавижу!

Лора судорожно пыталась освободиться, но худосочная девчонка обладала на удивление мертвой хваткой. Я бросилась на помощь. С другой стороны к Лоре спешил бармен, да и парень, сопровождавший девицу, опомнившись от изумления и, грязно ругаясь, начал отдиравать от Лоры руки своей подруги. Девица неожиданно всхлипнула, обмякла и сползла на пол. Освободившаяся Лора рванула к дверям.

Тяжело дыша, мы выскочили на улицу, и я еще раз дала себе зарок ни при каких обстоятельствах не заходить внутрь таких вот подозрительных заведений.

– Ты ее знаешь, что ли? – удивленно спросила я. – С чего это она на тебя бросилась?

– Да ну, не видишь, она наркоманка, – презрительно ответила Лора, брезгливо отряхивая свою повидавшую жизнь куртку, потом кивнула мне на прощание и пошла к дому своей тетки.

– Я позвоню! – ей в спину крикнула я и пошла в другую сторону, к своей сверкающей машине, подальше от грязного подвала, обколотой свихнувшейся девицы, подальше от жизни, которой я совсем не знала. Впрочем, через десять минут я абсолютно забыла о разыгравшейся на моих глазах неприятной сцене. Мысли уже были заняты тем, как выдать Лору замуж.

Много позже я не раз спрашивала себя, что именно побудило меня заняться устройством ее судьбы. В конце концов, мы никогда не дружили. Лора была слишком скучной, слишком незаметной. Я не испытывала к ней никакого интереса, а она не могла питать особой любви ко мне, потому что вокруг меня все время кружили мальчишки, обходившие ее стороной. Да что там мальчишки, меня и учителя всегда выделяли, потому что я была «комсомолкой, активисткой и спортсменкой». А она – нет.

Но, видимо, слишком суматошной в последние годы была моя жизнь. Слишком многое осталось в прошлом, и вынырнувшая из этого прошлого Лора, казалось, сможет вернуть утраченную меж пальцев молодость. Кроме того, тогда мне казалось, что помочь ей будет совсем нетрудно.

* * *

Когда я садилась в машину, позвонил Павел, мой любовник. У него масса достоинств и только один большой недостаток: он давно и прочно женат.

Правда, не могу сказать, что это обстоятельство меня так уж сильно огорчает. Честно говоря, я привыкла жить одна, и перспектива на постоянной основе делить свою квартиру и свою постель с кем-то еще меня совсем не прельщает.

От окружающих я это скрываю. Владелице брачного агентства не пристало иметь такую непопулярную среди женской половины населения точку зрения.

У меня вообще не очень большой опыт по части мужского пола. Сразу после развода мне было так плохо, что я даже подумать не могла о новых отношениях. Боялась еще одного разочарования. Потом моя жизнь завертелась вокруг чужих личных жизней, и мне просто стало некогда. Совсем. На сон бы лишний час урвать, и то хорошо.

Правда, года через полтора меня стали беспокоить непонятные боли внизу живота. Месяца два я терпела, думая, что недомогание рассосется само собой. Потом пожаловалась маме.

Как вы помните, моя мамочка гинеколог, поэтому ни у меня самой, ни у моих подруг никогда не было вопроса, к какому врачу сбегать. Осмотрев меня, мама стянула перчатки и осторожно сказала:

– Алиса, детка, у тебя нет абсолютно ничего, из-за чего стоило бы беспокоиться. Но ты – здоровая молодая рожавшая женщина, тебе нужна достаточно интенсивная личная жизнь.

– Так где ж мне ее взять, эту интенсивную жизнь? – удивилась я. – Можно подумать, что за мной бегают табун женихов, а я отмахиваюсь от них поганой метлой.

– Табун не табун, – спокойно ответила мама, – а при твоей внешности найти пару-тройку любовников давно было можно.

– Мама, – обалдела я, – ты мне предлагаешь завести тройку любовников? И как мне их, по-твоему, пользоваться – одновременно или в порядке живой очереди?

– Ты хоть одного заведи для начала. Тебе не кажется, что твоя добровольная схема уже лишняя? А что касается штампа в паспорте, так ты ведь знаешь: я не ханжа.

Мама тогда меня не только удивила, но и заставила задуматься. Первым делом я побежала к Лельке, советоваться. Подружка, в отличие от меня, как раз вела очень даже интенсивную личную жизнь. Как и я, успела выйти замуж, родить ребенка и развестись, но в тоске и печали не пребывала. Ее кавалеры менялись с завидной частотой.

– Ты представляешь, мой вчера шуку приволок! – рассказывала Лелька, когда мы вечером трепались по телефону. – Колочая, зараза. Я ее полтора часа чистила, а он сожрал и даже спасибо не сказал!

– А где Вася шуку взял? – интересовалась я.

– Какой, на хрен, Вася, – удивлялась подруга, – я тебе про Димона рассказываю.

– Какого Димона? – пугалась я. – На прошлой неделе же был Вася!

– Так то когда было! – философски замечала Лелька. – Неделя-то уже давно закончилась.

Намерение завести любовника вызвало полный Лелькин «одобрямс». В порядке благотворительности она даже предлагала подогнать мне парочку своих, отправленных в отставку, но не до конца отпущенных.

Наташка благополучно состояла в браке. Накалу ее любовных страстей с собственным шефом это не мешало. Поэтому на то, что я решила «выйти в люди», она тоже отреагировала спокойно и предложила познакомить меня с двоюродным братом кого-то из сотрудников своей конторы.

Инка, вокруг которой в то время бушевали цунами чувств, тоже вызвалась поучаствовать в подборе подходящей кандидатуры, но тут я уперлась рогом. У меня самой этих кандидатов был целый сейф. И, в конце концов, в этом вопросе я, в отличие от них, жалких любительниц, была профессионалом!

Так что я злоупотребила служебным положением, и через две недели у меня завязался роман с одним из клиентов «Зимней вишни». Он был ботаник. Причем не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова – преподавал ботанику в местном университете. Кандидат наук, прекрасно образованный, начитанный и воспитанный. Он протягивал мне руку при выходе из автобуса и так подавал пальто в кафе, что я с первого раза попадала в рукава. Честно признаюсь, с этим вопросом у меня обычно большой напряг.

Еще одним достоинством были его честные намерения. Он хотел серьезных стабильных отношений, которые должны были закончиться серьезным стабильным браком. Был согласен усыновить Сережку и относился к нему очень хорошо: учил играть в шахматы, читал книги и даже показывал картинки в «Определителе сорных растений».

В постели мы с ним оказались только через два месяца ухаживаний. Раньше ему не позволяло воспитание. Это было похоже на неспешную прогулку по парку после проливного дождя. Когда с мокрых листьев ветер бросает в лицо капли воды, с зонта стекает лужа в ботинки и вы жметесь друг к другу, чтобы согреться и мужественно закончить еще один круг по тропинке – свою положенную для здоровья норму.

Еще через два месяца, следуя какому-то своему внутреннему графику, он сделал мне предложение. Я хорошенько подумала и отказалась. Из-за невыносимой скуки. Сами понимаете, нанесенное ему оскорбление было ужасным. От дальнейших встреч со мной он отказался, от услуг моего агентства тоже. После этого я наложила мораторий на встречи с клиентами.

Павла я встретила «на стороне». Я как раз подумывала сменить квартиру и обратилась в принадлежащую ему риелторскую контору. Предложенное им жилье мне не подошло, а сам Павел – очень даже.

Мы вместе уже четыре года. Хотя «вместе» – это сильно сказано. Мы встречаемся пару раз в неделю, когда Павлу удастся найти убедительную отговорку для жены. Сначала я была в него влюблена, поэтому мечтала, что он разведется. Потом как-то само собой стало ясно, что наши отношения будут развиваться не по такому сценарию. Меня это устраивает.

Я к Павлу очень хорошо отношусь. Мне интересно с ним разговаривать, я в курсе его проблем. И мне хорошо с ним в постели. Это похоже на катание на лодке по широкой реке. Весла вниз – и лодка сильным рывком двигается вперед, оставляя круги на воде, весла вверх – и с них капает вода, бросая приятные прохладные брызги тебе на платье. И ветер развеивает подол, а кругом белые кувшинки, которые можно сорвать, наклонившись к воде.

В общем, мне нравится. Но замуж за Павла я уже несколько лет не хочу. Наверное, если бы он вдруг сказал, что собирается развестись и переселиться ко мне, я бы упала в обморок. Но он, слава богу, не говорит.

Так вот, когда я садилась в машину, позвонил Павел. У него выдались свободные три часа. Я помчалась домой, и три часа мы срывали кувшинки, не забыв, впрочем, пообедать. К еде мой любимый относится уважительно. А потому в нашу лодку мы продпак захватываем обязательно.

Когда Павел ушел, я забралась в ванну. Все равно делать абсолютно нечего. Поэтому сначала я добавила в ванну лавандовой пены, потом вылила воду и налила новую – с розовой морской солью, а потом еще понежилась в третьем варианте: три поллитровых пакета концентрированных 33-процентных сливок на ванну воды – очень полезно для кожи.

Вечер закончился мирным подремыванием у телевизора с новым детективом в руках. Детектив оказался интересным, впрочем, у Татьяны Устиновой других не бывает.

* * *

Все-таки интересно, почему литература, которую легче всего воспринимать в конце насыщенного трудового дня, так разительно отличается от повседневной реальности. Вот взять хотя бы детективы. Я их просто обожаю, особенно Устинову. Вроде бы и сюжеты не отличаются разнообразием. Презирающая детективы Настя формулирует их словами одной дурацкой песни: «Если вам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца».

В общем и целом очень точное замечание. А все равно не оторваться. Может быть, потому, что ее героини не только встречаются принцев, которых в нашей жизни нет не только в наличии, но и на заказ, так еще и постоянно влипают в какие-то жуткие истории с убийствами?

Вот я. Такая же женщина из плоти и крови, как и те, что описаны в ее книгах. Так вот поди ж ты! Подлец в моей жизни был, а принца так и не случилось. Правда, и с убийствами у меня тоже, слава богу, напряженка.

Глава 3

Запас карман не тянет

Не тратьте время, стуча по стене и надеясь, что она превратится в дверь.

Коко Шанель

Понедельник – день тяжелый. Особенно если пятница закончилась Балом счастливых встреч. Моя контора гудела встревоженным ульем, и, как говаривал старина Винни-Пух, это ж-ж-ж было неспроста.

Для начала мы обсудили, какие пары, на наш взгляд, нашли друг друга на прошедшем празднике. Это очень важно, поскольку он для того и проводился.

Не менее важно понять, насколько счастливыми выглядят пары, поженившиеся в этом году. В конце концов, мы за брак без брака.

Кроме того, невозможно отказать офисным дамам в удовольствии «обкашлять» платья, прически и украшения посетительниц. Я и сама принимаю в подобных обсуждениях живейшее участие, не позволяя, впрочем, своим сотрудницам проявлять излишнее остроумие по поводу наших клиентов.

Затем я подвела финансовые итоги бала с главным бухгалтером. Слава богу, заработали мы очень и очень неплохо. Затем выдрала девочку-менеджера. Она у нас новенькая, отработала всего пару недель и в четверг нахамила клиентке. Та была недовольна, что ее свели с неказистым кавалером, а в ответ услышала, что при такой внешности, как у нее, на неказистых тоже молиться надо, чтоб не сбежали. Клиентка действительно была форменной крокодилицей, но говорить ей об этом в лицо необязательно. Крокодилу понятно, что все равно не поверит.

Сотрудница вылетела от меня заревавшей. Я знаю, что иногда бываю излишне строга и порой не выбираю выражений, но подобной оплошности эта девочка больше точно не допустит.

Затем я быстро просмотрела новый вариант каталога женихов и невест, ответила на несколько электронных писем, выпила чашку кофе и приступила к поиску жениха для Лоры.

В нашей конторе брачное дело поставлено на профессиональную основу. Каждый клиент, присылающий нам письмо или приходящий лично, закрепляется за кем-то из менеджеров, задача которого – проследить, чтобы клиент заполнил анкету, а также прошел собеседование у психолога.

Психолог отвечает за то, чтобы наиболее точно выявить вкусовые пристрастия клиента, а также найти ту проблему, которая не позволяет ему самостоятельно строить нормальные отношения с противоположным полом. Проблемы снимаются на специальных тренингах, как групповых, так и индивидуальных, а пристрастия попадают в базу данных.

Еженедельно мы собираем летучки, на которых менеджеры сообщают друг другу о появившихся в базе клиентах. На анонимных условиях, естественно. Как правило, у кого-то обязательно находится свой клиент, подходящий под описанные требования. Тогда менеджеры начинают работать в паре, отправляют письма с фотографиями, назначают встречи, устраивают свидания. В общем, доводят пару до ЗАГСа.

Я, как правило, контролирую всю базу. Во-первых, держать руку на пульсе полезно для любого бизнеса. Во-вторых, часть клиентов я веду лично.

Я точно помню, что клиент, который мог бы идеально подойти Лоре, находится в базе у Ируськи. Зовут его Аркадий Самоходов. Он писатель, пишущий о деревенской жизни. Мало, но все-таки издаваемый. Скромно, но все-таки зарабатывающий. А главное – мечтающий о тихой и скромной жене-девушке.

Я как-то мужественно попыталась прочесть одну из его повестей. Честно говоря, так и не поняла: если автор настолько сильно тоскует по родной деревне с избами, овинами, телегами, завалинками и прочими атрибутами, зачем он, мучая себя, безвылазно живет в городе с его тротуарами, выхлопными газами, многоэтажными домами и теплыми сортирами.

В нашей базе Самоходов числится уже два года, но из-за своей невероятной скромности никак не может подобрать себе подругу жизни. Если дама хоть немного хороша собой, то он покрывается багровым румянцем и начинает заикаться. Комфортно он способен чувствовать себя только при абсолютно тихой и незаметной особе, которая не подавляла бы его ни образованием, ни внешностью. Именно такой, как Лора.

Конечно, Лора не проходила психологического тестирования и не заполняла анкету, но в данном случае речь идет о моей подруге детства, поэтому – к чему формальности?

Я вызвала Ируську и попросила ее отправить Самоходову Лорину фотографию. Хорошо, что вчера я догадалась щелкнуть ее на мобильник.

В этот момент испуганная секретарша Леночка сообщила, что меня разыскивают из приемной губернатора. Нашего главу региона лично я очень уважаю и всегда голосую за него на выборах. Инку это страшно бесит, поскольку она как журналист видит в нем корень всех областных бед. Я же далека от политики, и для меня Вячеслав Аркадьевич – всего лишь человек, которому я помогла выдать замуж засидевшуюся в девках дочку.

Операция была провернута так, что комар носа не подточил. Губернаторская дочь – крупная (в папу) девица с пустыми (в маму) глазами – получила мужа, сам губернатор – душевное спокойствие, а я – приличный гонорар и новых клиентов, поставляемых мне периодически «по протекции». Естественно, с каждым из них приходится работать на условиях полной анонимности, но я по природе не болтлива.

Инка время от времени пытается вытянуть из меня тайны областного разлива, но я отвечаю, что если длинный язык мешает бизнесу, то я в состоянии этот самый язык попридержать. Инка злится, но понимает, что я права.

И на сей раз речь шла о новом клиенте. Фамилия Шаповалов была мне смутно знакома, но кто это такой, я не вспомнила. Все же жаль, что нельзя спросить у Инки. Она-то точно всех знает. Я в очередной раз поклялась блюсти секретность и назначила личную встречу с этим господином назавтра, на восемь утра. В это время в офисе, кроме меня, никого не будет.

С работы я слиняла пораньше. Во-первых, мне завтра вставать ни свет ни заря. А во-вторых, нужно съездить к Наташке, заказать билеты в Сант-Дениз.

Моя подруга работает в туристическом агентстве. Естественно, в самом крутом в городе. Она пристроилась туда после декретного отпуска простым менеджером и выросла до исполнительного директора.

На сегодня она представляет собой успешную деловую даму, которая ходит исключительно в деловых костюмах. Но на серую офисную мышь при этом не похожа, потому что ее костюмы покупаются исключительно в дорогих магазинах Лондона и Парижа, выглядят соответствующе и сидят как влитые.

Из-под офисной юбки (только юбки и ничего, кроме юбки) выглядывают Наташкины коленки. Они у нее такие, что клиенты по первости путают названия городов и стран, в которые хотели бы отправиться, а клиентки звереют.

Когда у них получается оторвать глаза от Наташкиных коленок, становятся заметны и другие ее особенности: внимательные серые глаза, густые волосы цвета липового меда, открытый взгляд. После пяти минут общения люди обнаруживают, что у моей подруги изумительный голос, приятная манера общаться, а главное – потрясающий профессионализм.

Наташка безумно талантлива во всем, что касается туристического бизнеса. Если ее разбудить посреди ночи и назвать самый захудалый отель на Берегу Слоновой Кости, она без запинки опишет все его достоинства и недостатки.

Главным недостатком самой Наташки является ее беззаветная любовь к директору и владельцу компании Станиславу Развольскому. Я его терпеть не могу. У моей подруги, девять лет счастливо живущей в стабильном браке, уже пять лет длится тягостный и нудный роман с ним, который не приносит ей ничего, кроме слез. Я этого мазохизма не понимаю, но речь не обо мне.

– Привет, – бодро поздоровалась я с подругой, входя в кабинет. Наклонившегося над ее столом Развольского я предпочла не заметить.

– Ой, Алиска, молодец, что зашла, – неестественным голоском поприветствовала меня Наташка. От моего зоркого взгляда не укрылись несколько расстегнутых пуговиц на ее блузке.

– Я по делу, – заявила я, скорее для Развольского, чем для самой Наташки. Она-то, в отличие от него, рада меня видеть в любое время.

– Ехать куда надумали, Алиса Михайловна? – неискренне поинтересовался Наташкин шеф, ретируясь к двери. – Хорошо, что к нам обратились.

– К вам, к вам... Куда же еще, – столь же неискренне пропела я, бросила сумку на Наташкин стол и уселась рядом, закинув ногу на ногу. Взгляд, который Развольский бросил на мои открывшиеся коленки (а там есть на что посмотреть), был весьма красноречив. Ну почему моя подруга без ума от этого бабника!

– Ты чего, правда хочешь куда-то съездить? – удивилась Наташка.

– Нет, конечно, у меня рабочий сезон в самом разгаре, – засмеялась я. – Артемий звонил, собирается в отпуск. Вместе с Сережкой, разумеется. Ты мне, подруга, помоги заказать ему билет до Сант-Дениза.

– Кому ему? – не поняла Наташка.

– Сережке. Он туда прилетит, а Артемий его там встретит.

– Алиса, – печально посмотрела на меня Наташка, – ты хоть имеешь представление, как именно летят на Реюньон?

– Думаю, что самолетом. Не на метле, – съязвила я, но Наташка вздохнула еще печальнее и защелкала мышкой компьютера.

Через пять минут я тупо смотрела в распечатанный длиннющий текст, из которого следовало, что лететь до Сант-Дениза надо с пересадкой во Франции. Ежедневно самолет компании Air France отправлялся в Париж (аэропорт Шарль де Голь), откуда через четыре часа можно было вылететь в столицу Реюньона, но уже из аэропорта Орли.

Понятно, что 12-летнему Сережке одному было не под силу перебраться из одного аэропорта в другой, да еще зарегистрироваться на рейс. Я схватила за голову.

– Что делать будешь? – деловито спросила Наташка. – Могу тебе заказать билет до Парижа и обратно. Посадишь Сережку в самолет, переночуешь в отеле и завтра вернешься домой.

– Ты в своем уме, подруга? – возмутилась я. – Сережкин билет стоит полторы тысячи долларов, и плюнь мне в глаза, если Артемию придет в голову компенсировать эту сумму. Ты мне предлагаешь потратить еще столько же? Вот уж действительно «мне в Париж по делу срочно»...

– Так делать-то что будешь? – повторила Наташка.

– Позвоню Артемию, – уныло ответила я. – Это его идея, пусть он что-нибудь и придумывает.

* * *

Дозвониться до Артемия в тот же вечер мне не удалось. Зла я на него была безмерно. Ну почему из-за этого человека мне приходится всю жизнь преодолевать какие-то препятствия?

Кроме того, я вспомнила, что из-за своих переживаний совсем забыла рассказать Наташке про Лору. В конце концов, это была наша общая одноклассница, поэтому я не поленилась дотянуться до телефонной трубки.

– Что, решила вопрос с полетом? – оживилась Наташка, услышав мой голос.

– Нет, не решила. Моего бывшего супруга дома нет, – отмахнулась я. – Слушай, я совсем забыла тебе рассказать. Ты помнишь Лору?

– Лору? – переспросила Наташка. – Петракову, что ли?

– Ну да, Петракову.

– Почти не помню, – честно призналась Наташка. – А ты с чего вдруг заинтересовалась?

– Да я ее позавчера в нашем старом районе встретила. Представляешь, она ну совсем не изменилась.

– Да ну? – не поверила Наташка. – Неужели такой мочалкой по улицам и ходит?

– В общем, да, – решила не кривить душой я и быстро рассказала подруге печальные подробности Лориной жизни.

– Н-да, – в конце моего рассказа крикнула Наташка. – Ты, конечно, Гаечка... Ну это, Чип и Дейл спешат на помощь. Только объясни мне, недалеко, зачем ты в ее жизнь полезла?

– Знаешь, мне ее так жалко стало. Такая она неустроенная, одинокая, – попыталась объяснить я.

– Тебе, Алиска, всех всегда жалко, – ответила Наташка, – тебя бы кто пожалел. Вот мне так ее не жалко ни капельки. Во-первых, если женщина к тридцати годам не стала красавицей, значит, она дура. А во-вторых, я ее еще в школе терпеть не могла, моля бледную.

– Наташ, ты никогда не была злой, – укорила я подругу. – У нас с тобой дети, у тебя муж есть, мы дружим всю жизнь, работа опять же у нас хорошая – и интересная, и денежная. А у нее ничего. Давай в следующие выходные у меня встретимся. С тебя не убудет, а девке приятное сделаем. Сидит как сыч в своей квартире.

– Ладно, ближе к делу посмотрим, – проворчала Наталья, чтобы не сдаваться без боя. Но я поняла, что сопротивление противника сломлено.

Мы протрепались с Наташкой до часу ночи. На прошлой неделе мне было не до звонков из-за подготовки к Балу, так что сейчас мы наверстывали упущенное. Поэтому на следующий день на работу я проспала.

– Мам, – раздался у меня над ухом Сережкин голос, – ты вроде сегодня к восьми на работу хотела.

Я открыла глаза и уставилась на будильник, показывавший без двадцати восемь.

– А-а-а-а, – закричала я, вскакивая с кровати, – какого беса ты меня не разбудил и почему ты до сих пор не в школе?!

– Мне ко второму уроку сегодня, – обиделся Сережка, – я тебе вчера, между прочим, говорил.

Но я уже не слушала. Я металась по квартире, пытаюсь одновременно почистить зубы, выпить кофе, нанести макияж и натянуть трусики. Не глядя оделась в тот же костюм, в котором ходила на работу вчера. Вообще-то это против моих правил, но сегодня не до баловства. Напоследок обмотав шею элегантным шарфом и впрыгнув в куртку, я помчалась на работу. К моему удивлению, мне удалось не опоздать.

Клиент оказался довольно милым. Весь такой округлый, холеный, вальяжный. Как большой джип в люксовой комплектации. Я с изумлением опознала в нем одного из местных автомобильных магнатов. Ну надо же, человек ворочает таким бизнесом, у него булавка для галстука стоит приблизительно столько же, сколько простенькие «Жигули», а без моей скромной помощи не может найти себе подругу жизни!

Я старалась, как могла, пела соловьем, показывая нашу картотеку, расписала достоинства пяти потенциальных невест и выразила готовность сегодня же доставить их на свидание в виде живой очереди.

– Ничего не надо, – оборвал он мое искрометное выступление.

– Как не надо? – искренне удивилась я.

– Так, – ответил он и ткнул в меня указательным пальцем, – я уже нашел то, что искал.

Мне нравится вы.

Челюсть у меня упала на колени. В таком идиотском положении я не оказывалась уже давно.

– Знаете ли, – аккуратно призналась я, с трудом вернув челюсть на место, – я некоторым образом не свободна. И в мои планы не входило сейчас затевать новый роман.

– Как говорится, хотите рассмешить бога, расскажите ему о своих планах, – спокойно ответил мой собеседник и извлек из пухлого бумажника визитную карточку самого модного в городе ночного клуба.

– Сегодня в десять вечера встречаемся в «Павлине», – произнес он, протягивая мне кусочек переливающегося пластика. – Говорите адрес, откуда вас лучше забрать.

– Вынуждена вас огорчить: я не намерена проводить вечер с вами. Ни сегодня, ни когда-либо еще, – выпалила я, в душе прощаясь с хорошим отношением ко мне губернатора. Но автомобильный магнат почему-то совсем не обиделся.

– Вот и чудненько, – заулыбался он. – Значит, в десять я отправлю за вами машину.

Подобная жизненная коллизия требует хорошего перекура. Так витиевато выражается моя подруга Настя, когда в ее жизни случается очередной пердимонюкль. До прихода на работу остальных сотрудников я отходила от шока, налив себе бокал виски и вытащив из стола сигару. Вообще-то я не курю. Сигару мне подарила Инка, обожающая идиотские подарки. Она утверждала, что сигара – это отличная релаксация. Зажечь ее я так и не осмелилась, но иногда в минуты раздумья я достаю сигару из стола, верчу в руках и нюхаю табак. И правда, помогает.

Потихоньку день вошел в обычную колею. Прибежала Леночка и, неодобрительно косясь на бокал, сварила мне кофе. Потом мы провели летучку, в конце которой Ируська радостно сообщила, что Самоходов дал согласие на встречу с Лорой. Я тоже обрадовалась.

Вытащив мобильник, я собралась позвонить подруге, но тут телефон затрясся в падучей и дурным голосом заорал какой-то дурацкий рэп. Такую музыку Сережка настроил на звонки Артемия.

– Алиса, ты купила Сергею билет? – спросил голос моего бывшего мужа.

– И как ты себе это представляешь?! – сразу завопила я. – Ты имеешь в своем Бангкоке хоть малейшее представление о том, как из Москвы добраться до Реюньона? Ты знаешь, что там пересадка с переездом в другой аэропорт? И как, по-твоему, я должна эту проблему решить?!

– Я навел справки, – невозмутимо прервал меня Артемий, – поэтому решил предложить замечательный способ. Я думаю позвать отдохнуть с нами мою маму. Ты проводишь их с Сережкой до Москвы, посадишь в самолет, а уж в Париже они сами справятся. Естественно, что расходы на билеты я возмещу.

Я поняла, что значит выражение «у нее потемнело в глазах». Путешествие в одной машине со свекровью для меня равносильно смерти через повешение. Хотя нет. Висельники отмучиваются быстро. А мне предстоит четыре часа корчиться от яда.

– Ты с ума сошел? – простонала я.

– Алиса, перестань кривляться! – возмутился Артемий. – Все, что от тебя требуется, это купить билеты и посадить их в самолет. По-моему, это совсем несложно.

– Но...

– И чтобы я не слышал гадостей о маме! – предусмотрительно перебил меня бывший муж и положил трубку.

Кипя от гнева, я отшвырнула телефон. Семейство Стрельцовых даже на расстоянии доводит меня до белого каления. Чтобы отвлечься, я решила позвонить Лоре.

– Привет, – сказала я, продолжая мысленный разговор с муженьком.

– О, здравствуй, – услышала я в трубке растерянный голос Лоры. Интересно, мне кажется, или она совсем не рада меня слышать?

– Готовься идти на свидание, – гордо произнесла я.

– Но я не хочу, – возразила Лора.

– Что значит – не хочешь! – заорала я. Ну что сегодня за день такой! То магнаты влюбляются, то свекровь на шею вешают, так теперь еще и Лора выкобенивается! Сговорились они, что ли, меня бесить? – Послушай, Петракова, ты живешь ненормальной для тридцатилетней бабы жизнью. Любая другая руки бы мне целовала, что я помогаю ей вырваться из того болота, в котором проходят ее дни. Не заставляй меня думать, что есть что-то, что держит тебя в этом болоте.

– Да ладно-ладно, – тут же начала отыгрывать назад Лора. – Просто я сегодня не могу. А в другой день – пожалуйста.

– Так-то лучше, – сразу успокоилась я. Договорилась с ней, что свидание состоится завтра (чего откладывать?), и рассказала все, что знала о Самоходове.

* * *

А неудачно начавшийся день продолжал преподносить сюрпризы. Минут через сорок после разговора с Лорой Леночка сообщила, что ко мне пришел посетитель.

– Кто такой? – расслабленно поинтересовалась я.

– Новый клиент, – ответила секретарша.

– Так отправь его к дежурному менеджеру, я-то тут при чем? – удивилась я. – Мне на сегодня одного VIP-клиента уже хватило. Второго могу и не перенести.

– Говорит, что ему обязательно к вам надо, – делая страшные глаза, прошептала Леночка.

Честно говоря, я часто встречаюсь с этой категорией людей. Им кажется, что решить их проблему может только начальник, потому что у них проблема самая особенная. В большинстве случаев я провожу первую беседу сама, после чего клиент плавно перетекает в руки менеджера. Операция проходит быстро и безболезненно. Поэтому, тяжело вздохнув (работать почему-то совсем не хотелось), я попросила Леночку пригласить клиента в кабинет.

Через минуту на пороге возник мужчина моей мечты. Правда-правда, я не вру. Высокий, с военной выправкой, красавец, к своим сорока годам не растерял роскошной, чуть тронутой сединой шевелюры. У него были правильные черты лица, открытая улыбка и, о боже, ярко-синие глаза!

– Здравствуйте, меня зовут Александр Петрович Корчагин, – представился мужчина и протянул мне руку. Его пожатие оказалось мягким и крепким одновременно. Я почувствовала, что у меня закружилась голова.

«Я хочу заполучить этого мужчину, – сказала я себе, – и я его заполучу». – Но вслух я, конечно, произнесла совсем другое:

– Алиса Стрельцова, хозяйка «Зимней вишни». Мне сказали, что вы хотите стать нашим клиентом.

– Да, хочу, – решительно подтвердил Александр Петрович. – Мне сказали, что у вас самое лучшее агентство в городе и здесь я смогу найти ту женщину, которая мне нужна.

Ты ее уже нашел, дурачок! – хотелось закричать мне, но я лишь сдержанно поинтересовалась, почему он вынужден прибегнуть к нашим услугам.

– Видите ли, Алиса, я отставной военный. Меня много лет носило по разным гарнизонам, в том числе весьма захолустным, и я чувствовал себя не вправе портить жизнь женщине, которая меня полюбит. Так уж получилось, что до сорока лет я дожил холостяком, а недавно вышел в отставку и решил, что все-таки мне пора обзавестись семьей. У меня не очень большой опыт общения с женским полом. Меня недавно одна девушка, за которой я попытался поухаживать, назвала солдафоном. Вот я и решил, что без вашей помощи мне, солдафону, не обойтись.

Можете посчитать меня самонадеянной идиоткой, но я чувствовала, что ему нравлюсь. Наверное, любая женщина это чувствует. Но он вел себя довольно странно. Словно пытался скрыть, что я его заинтересовала. Мне ничего не оставалось, как заняться стандартной процедурой: сначала подробным заполнением анкеты, потом записью на собеседование к психологу...

Я решила, что никому из своих девчонок-менеджеров Корчагина не отдам. При таком раскладе нам придется встретиться еще не раз, и никуда он от меня не денется. В этот момент меня цапнула мысль о Павле. Все-таки я поступаю как-то некрасиво. Впрочем, интерес к другому мужчине – еще не измена. Чем я себя и успокоила.

До самого вечера мои мысли то и дело возвращались к Александру Петровичу. Даже и не помню, когда в последний раз кто-то производил на меня столь мощное впечатление.

Плотно прикрыв дверь на кухню, чтобы меня не услышал Сергей, я позвонила сначала Лельке, потом Наташке, затем Насте и рассказала им, какого потрясающего мужика встретила. Инка была в командировке, и звонить ей я посчитала глупостью. Зачем, если рассказывать практически не о чем? Пока.

Подруги выразили живейший интерес и оказали мне моральную поддержку. Все три горячо уверили меня, что не родился еще тот мужчина, который останется равнодушным к чарам Алисы Стрельцовой.

Состряпав параллельно с разговорами Сережке еду на завтра, я решила, что вполне могу вознаградить себя за полный тревожащий день, почитав на сон грядущий Оксану Робски. Мне ее книжки, конечно не то чтобы очень нравятся, скорее совсем не нравятся, но это модно, а я должна следить за модой. Профессия обязывает.

Без двадцати десять зазвонил мобильник. «Номер не определен», – было написано на экране.

– Алиса Михайловна? – спросил голос, незнакомый, но недавно слышанный. Сердце забилось у меня в горле. Я решила, что звонит Александр Корчагин.

– Да, это я, добрый вечер, – тоненько проблеяла я, не справившись с волнением.

– Это Шаповалов. Мы с вами договаривались сегодня встретиться в «Павлине». Напоминаю, что через десять минут машина будет у вашего подъезда.

В ухо мне ударили короткие гудки. Оглушенная встречей с Корчагиным, я совсем забыла про магната. Забыла настолько, что даже не упомянула о нем, разговаривая с подругами. Они мне этого точно не простят. Особенно Лелька. Ни в какой «Павлин» я не собиралась, но сказать об этом мне было некому – телефона Шаповалова я не знала. Прятаться в квартире тоже было глупо.

Подумав секунд тридцать, я решила, что хуже не будет, если я выберусь на люди. В конце концов, ссора с губернатором не входила в мои планы. Да и знакомства в «Павлине» можно завести самые потрясающие.

– Сергунь, – промурлыкала я, заглядывая в комнату к Сережке. – Ты не против, если я по делам съезжу в ночной клуб?

– В какой? – спросил сын, не отрываясь от экрана компьютера.

– В «Павлин».

– В «Павлин», мам, по делам не ходят, – глубокомысленно изрек мой ребенок. – Это крутой тусняк. Там отрываются крутые мэны за большие бабки.

– Фильтруй базар, чувак, – поддержала разговор я. – Без обид, если я уеду?

– Не вопрос, мам, я за компом посижу, потом спать лягу. Ты во сколько будешь?

Одним из основных качеств моего тринадцатилетнего сына является основательность. Он сам никогда не нарушает данного слова, но и от других требует того же. Если я сейчас скажу, что вернусь в 8 утра, он спокойно ляжет спать, не дожидаясь меня. Но если я скажу, что вернусь в полночь, то пятнадцать минут первого он оборвет все телефоны, потому что будет сходить с ума от беспокойства. Плавали, знаем.

– К двум постараюсь быть как штык, – сказала я. – Во-первых, компания неинтересная. Во-вторых, завтра на работу.

К счастью, моя профессия обязывает знать дресс-код практически всех увеселительных заведений города. Я всегда подсказываю своим клиенткам, как им одеться, чтобы не попасть впросак.

К примеру, «Павлин» – это не то место, куда можно прийти в джинсах. Даже если они от Труссарди. Я быстро влезла в черное шелковое коктейльное платье – закрытое спереди и с большим вырезом на спине, забрала наверх волосы, похвалила себя за то, что не успела смыть косметику, слегка поправила макияж, вытащила из шкафа элегантные лодочки и норковый палантин. Вставила в уши бриллиантовые капельки, надела одно, но очень большое кольцо, брызнула немного духов... Я была готова к выходу в свет.

Когда я целовала Сережку перед уходом, телефон снова зазвонил.

– Вы опаздываете, Алиса Михайловна, – услышала я слегка укоризненный голос Шаповалова.

– Дамский каприз, Евгений Николаевич, – улыбнулась я. – Но я уже на пороге.

Перед тем как захлопнуть дверь, я услышала: «Мам, ты очень красивая», поэтому из подъезда выскочила, улыбаясь. Перед моим домом стоял лимузин. Черный и роскошный, как все лимузины. На открытую дверцу опирался Шаповалов, в руках которого был невообразимо роскошный, под стать лимузину, букет роз.

– Вы очень красивая, Алиса Михайловна, – услышала я второй раз за вечер и подумала, что все-таки жизнь – отличная штука. Даже если рядом с тобой совсем не тот мужчина, о котором ты мечтаешь.

* * *

Интересно, как это никто до сих пор не удосужился защитить диссертацию о том, почему любой среднестатистической женщине так важно произвести благоприятное впечатление на любого мужчину, случайно оказавшегося в ее поле зрения?

Казалось бы, с точки зрения формальной логики нам должно быть важно только то, что думает о нас любимый человек. Ну ладно-ладно... Пусть он и еще несколько потенциальных кандидатов в ухагеры. Запас карман не тянет. Мало ли как жизнь обернется.

Так нет же. Даже искоса брошенный, слегка заинтересованный взгляд прошедшего мимо мужчины заставляет наше сердце трепетать от восторга. Ну надо же, оглянулся, заметил, оценил!

Почему мы прихорашиваемся перед приходом сантехника? Почему кокетливо повязываем на шею косыночку перед визитом к стоматологу? Если он мужчина, разумеется.

Лично я думаю, что таким нехитрым образом мы повышаем свою капитализацию. Не в глазах объекта страсти (хотя чем большему количеству мужчин мы нравимся, тем сильнее тот, единственный, должен ощущать свое счастье). В своих собственных глазах. Чем больше мужчин оборачивается нам вслед, тем выше мы себя ценим и... тем дороже продаем. В эмоциональном плане, естественно.

Глава 4

Крик «Павлина»

Помните, что под павлиньим хвостом скрывается обычная куриная гузка. Так что меньше пафоса, господа.

Фаина Раневская

В «Павлине» оказалось шумно и как-то бестолково. Лично я не люблю лишней помпезности. В конце концов, это ночной клуб, а не Дворец съездов, поэтому лепнина и позолота тут явно лишние.

Вокруг было много полных мужчин в возрасте и полураздетых женщин без возраста. Их платья, открывающие больше, чем прикрывающие, тянули на несколько тысяч баксов. Бриллианты блестели в ушах, зубах и пупках. В воздухе висел удушливый запах смеси разнообразных вечерних духов. У меня тут же заболела голова.

– Я заказал столик в ресторане, – склонился к моему уху Шаповалов. – Затем, если вы захотите, можно посмотреть шоу-программу. Сегодня выступает Тарзан. Желаете в казино, на танцпол, в бар? Только скажите, и я сразу все исполню.

– Пойдемте в ресторан, – сказала я. – В конце рабочего дня мне не хочется ничего, кроме тишины.

Мы прошли в маленький уютный зал. Перед входом я задержалась у зеркала, чтобы поправить прическу. Мой спутник остался стоять, придерживая открытую дверь. В этот момент в холл выскочила невысокая худенькая девушка в сильно декольтированном платье. Бросив взгляд на одиноко стоящего Шаповалова, она подошла к нему и что-то спросила.

Его лицо исказила брезгливая гримаса, он кратко бросил девушке несколько слов и зашагал по направлению ко мне. Худышка сначала немного опешила, потом проследила за ним взглядом, увидела меня и разочарованно отвернулась.

– Кто это? – спросила я, когда Шаповалов взял меня под руку.

– Одна из местных шлюх, – с яростью в голосе ответил он.

– Да вы моралист... – удивилась я.

– Пойдемте в ресторан, Алиса Михайловна, оставим разговор о моей морали на потом, – неожиданно серьезно ответил магнат.

На столике не стояло ничего, кроме еще одного букета цветов.

– Какую кухню вы предпочитаете? – спросил мой спутник. – Я не стал заказывать, боясь, что не угадаю.

– А из чего выбирать? – поинтересовалась я.

– Сразу видно, что вы никогда не были в «Павлине», – улыбнулся Шаповалов.

– Не была, – призналась я. – Никто не приглашал.

– Здесь есть любая кухня. Кавказская, японская, русская, итальянская, французская. Любое меню на выбор.

– Тогда японскую, – решила я. – Не могу пройти мимо лишней возможности отведать суши.

Через пять минут мы сделали заказ.

– Так вам интересно, почему я не люблю проституток? – поинтересовался Шаповалов, когда отошел официант.

– Честно признаться, не очень, – ответила я. – Но нам ведь все равно надо о чем-то разговаривать.

– А вы достаточно прямолинейны, – засмеялся мой спутник. – И все-таки мне хочется вам обо всем рассказать сразу, чтобы вы не мучились в догадках, к примеру, о том, почему я обратился в ваше агентство.

Как и все нормальные люди, я был женат. Мы с моей женой Еленой познакомились еще в институте. У нас была студенческая свадьба, потом завешанная пеленками комната, сначала в институтском общежитии, потом в заводском.

Мы очень хотели детей, поэтому с разницей в два года у нас родились две дочери. К тому моменту я уже руководил цехом, мы переехали в трехкомнатную квартиру.

Потом производства начали закрываться, и я ушел в бизнес. Как видите, у меня все получилось. Но как очень многие бизнесмены, я нашел деньги и практически потерял семью. Мне было очень некогда, поэтому с детьми жена крутилась сама, как могла. Я искренне считал, что если я перевез семью в отдельный дом с бассейном в подвале, если моя жена может не работать, а дочери учатся в самых престижных школах, то мой долг перед ними выполнен. А потом...

Шаповалов повертел в руках палочки для суши, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, и продолжил...

– Потом я влюбился. С Верочкой меня познакомили на каком-то банкете. Она была... волшебная. Такая хрупкая, как статуэтка. И волосы. У нее были длинные гладкие волосы цвета воронова крыла. Ей было двадцать, всего на два года больше, чем моей старшей дочери. У нее были какие-то проблемы с матерью. Та болела, и на лечение требовались деньги. Много денег. Я давал, потому что для нее мне было ничего не жалко.

Она очень быстро забеременела и почему-то страшно этому обрадовалась. Я говорил, что не могу развестись, потому что у меня двое детей и мы с женой сто лет вместе. Что она поддерживала меня, когда я карабкался на вершину, и сейчас, когда я стою на этой вершине, я не могу отплатить ей черной неблагодарностью.

– Ты не понимаешь, – отвечала Верочка, закрывая мне рот ладошкой. – Это просто не имеет значения. Теперь вообще ничего не имеет значения. Потому что теперь никто больше не сможет мной командовать. Я свободна, совершенно свободна.

Я действительно ничего не понимал. Но Верочка была счастлива, и меня это полностью устраивало. Мы договорились, что я куплю ей квартиру и буду во всем помогать.

– Знакомый сценарий, – прокомментировала я. – Впрочем, что бы мы, женщины, ни говорили, а все равно каждой из нас хочется стать законной женой.

– Может быть, – рассеянно согласился Шаповалов. – Но не в этом случае. Я очень много работал тогда, поэтому не сразу заметил, что с ней что-то происходит. Она то щебетала как птичка, то заливалась слезами. Ее настроение менялось по нескольку раз на дню. Я списывал это на беременность. И дарил довольно щедрые подарки, чтобы компенсировать свое отсутствие рядом.

Правда открылась где-то за месяц до родов. Я не был у Верочки на квартире около двух недель, мотался по командировкам. А когда пришел, обнаружил ее без сознания. Рядом валялся шприц.

Я вызвал «Скорую» и отвез ее в больницу. Я, дурак, все еще ничего не понимал, пока доктор, которому я сунул пятьсот долларов, не сказал мне, что у Верочки передоз. Моя девочка была наркоманкой.

Она пришла в себя через пару часов и во всем мне призналась. На игле она сидела уже около трех лет. Чтобы заработать на дозу, ей пришлось заняться проституцией. Работали они только в дорогих ночных клубах вроде этого и в ресторанах. Полученные от клиентов деньги девушки меняли на наркотики.

Когда Верочка забеременела, хозяйка, на которую она работала, отпустила ее в обмен на очень крупную сумму. Именно эти деньги я и давал якобы на лечение матери. Все мои подарки Верочка продавала или обменивала на новую дозу.

Кроме того, давясь слезами, она рассказала мне, что хорошо знает мою старшую дочь. Та работала с ней в одной бригаде и тоже сидела на героине. Я думаю, Алиса Михайловна, что вы можете себе представить мой ужас.

– Боюсь, что нет, – ошеломленно призналась я. – О таком страшно даже подумать, а уж пережить...

Шаповалов посмотрел в мои круглые от ужаса глаза, словно проверяя какое-то свое предположение, и замялся:

– Зря я начал об этом. Явно не светская беседа.

– Нет уж, продолжайте, – потребовала я. – Такие истории нельзя прерывать.

– Как зовут эту мерзавку, – спросил я у Верочки, – ту, которая посадила вас на иглу, получив дармовую рабочую силу?

– Мы называли ее Мадам, – ответила Верочка.

Я оставил ее в больнице и помчался домой, чтобы поговорить с дочерью. Мы с Еленой трясли ее, как грушу, пока она во всем не призналась. Мы решили, что на завтра увезем дочь в Европу, в лучшую из клиник. Елена и девочки должны были отправиться вместе с ней. Подальше от нашего города.

Утром я узнал, что ночью Верочка умерла в родах. У меня остался сын, рожденный матерью-наркоманкой. Пришлось во всем признаться жене. Поймите меня, Алиса Михайловна, я не мог бросить этого мальчика на произвол судьбы.

Елена согласилась усыновить ребенка и забрать с собой в Европу. Ему тоже требовалось серьезное лечение. Однако со мной она развелась. Вот уже год моя бывшая жена и мои дети живут в Бельгии. Дочь удалось вылечить от наркозависимости. Сын подрастает, хотя его здоровье все-таки оставляет желать лучшего.

Весь этот год я жил один. Мне нужно было время, чтобы оправиться от всего того, что случилось. Но я здоровый мужчина, мне всего сорок два, и я не могу больше оставаться в одиночестве.

Знакомиться в ресторанах, на улице я теперь боюсь. Мне все время кажется, что я снова могу увлечься не той женщиной. Вячеслав Аркадьевич посоветовал мне обратиться к вам, потому что у вас все клиентки проходят через руки психолога, а он не может не заметить наркозависимости.

Так я оказался в вашем агентстве, и вы произвели на меня очень сильное впечатление. Поэтому мы с вами здесь.

Исповедь Шаповалова меня потрясла. Слушая его рассказ, я даже немного поплакала.

– Вы хотите сказать, что та девушка в коридоре – тоже наркоманка? – спросила я.

– Все девушки, работающие в дорогих клубах, работают на эту самую Мадам. И со всеми она рассчитывается наркотиками, – ответил он. – Поверьте, я имею неплохие возможности, так что попытался вывести эту женщину на чистую воду, но потерпел полное фиаско. Она законспирирована почище Штирлица.

После этого разговора любимые суши показались мне какими-то невкусными. Мы покинули ресторан и заглянули в бар, где в этот день выступал Тарзан. Признаюсь, обычно красивое мужское тело не оставляет меня равнодушной, но тут в моей душе не дрогнуло совершенно ничего. Более того, вид визжащих женщин, которые пытались заглянуть стиптизеру под полотенце, обернутое вокруг талии, вызвал у меня тошноту.

Я сказала Шаповалову, что мне нужно обдумать все то, что он мне рассказал, и попросила отвезти меня домой. Он согласился. Когда мы шли к выходу, я снова заметила ту маленькую худенькую девчушку, которая подходила к моему спутнику перед его исповедью. Она стояла в углу холла и о чем-то умоляла высокую статную женщину в умопомрачительном платье.

Женщина показалась мне смутно знакомой, но ее лица я не видела, поскольку она стояла ко мне полубоком. Внезапно она резко повернулась и скрылась за какой-то шторой. Худенькая

девушка с отчаянием посмотрела ей вслед, заплакала навзрыд и начала сползать по стене вниз. Я рванулась к ней, чтобы помочь, но Шаповалов дернул меня за руку и практически силком вытащил на улицу.

– Не вмешивайтесь, Алиса Михайловна! – сказал он. – От этих тварей нужно держаться подальше. Тем более такой женщине, как вы.

* * *

Ночью он опять плакал во сне. И вновь проснулся, испытывая крайнее раздражение, искренне считая эти слезы постыдными.

В его сне худенькая девушка с усилием встала с холодного кафельного пола и подошла к окну. Почему-то оно не было закрыто решеткой, как у нее в палате, как во всех остальных помещениях, где она успела побывать. Наверное, потому, что это был этаж исключительно для персонала. Что-то типа общежития, куда поселяли медсестричек, окончивших училище и не захотевших возвращаться в родные деревни. Глупые... Там у них был шанс остаться людьми, а не превратиться в червей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.